# Будешь моей мамой

**Автор:**
Ирина Волчок

Будешь моей мамой

Ирина Волчок

Ольга молода и фантастически хороша собой. Увидев ее, мужчины теряют голову от восхищения, а женщины – от зависти. Казалось бы, такая девушка не может быть несчастной. Но в прошлом Ольги столько боли и разочарований, что она не доверяет почти никому. До тех пор, пока однажды в ее жизнь не входит Чижик – маленькая девочка, которая потерялась в огромном магазине и с которой Ольга сразу же подружилась. Правда, есть еще отец малышки – богатый, властный и… не очень-то счастливый крутой бизнесмен…

Ирина Волчок

Будешь моей мамой

Глава 1

В магазине была толпа. А как же, цены снижены, распродажа… Очень душно. И очень шумно. Ольга ненавидела толпу, духоту и шум. Еще она ненавидела свое легкомыслие: как раз тех пятидесяти рублей, которые она только что проела в кафетерии на третьем этаже универмага, не хватает, чтобы купить вполне приличные туфли. Туфли ей необходимы к завтрашнему дню. Все остальное – ерунда, по крайней мере для первого визита она с Галкиной помощью вполне экипирована. Не считая обуви. У Галки кое-что есть, но лапа на два размера больше.

Вот черт, что это продавщица на нее так уставилась? Не хватает ей еще сочувствия этой матрешки свежепокрашенной…

Ой, как плохо. Ой, как тебе не стыдно… Скоро ты будешь бросаться на живых людей только за то, что у них кожаные туфли ручной работы и умненькие, понимающие глазки.

Избегая взгляда продавщицы, Ольга отвернулась к полкам, заставленным обувью на все случаи жизни, на любой вкус и на любой карман. Кроме ее кармана. Она ненавидела эту обувь. Слишком ее много. Туфли, тапочки, ботинки, сапоги, босоножки… Да еще все это отражается в зеркальной облицовке. Обувная толпа. Стадо. Ненавижу.

И тут она увидела в зеркале свое отражение. Лицо желтое, как лимон. Глаза круглые, тоскливые. Чуть не до крови искусанные губы изображают презрительную улыбку. Чучело. Краше в гроб кладут. Ладно, надо уходить, пока дождь не начался.

Ольга надела черные очки, отвернулась от полок с обувной толпой и наткнулась на продавщицу с умненькими глазами и сочувственной улыбкой. Как это она вдруг рядом оказалась? И зачем бы это? Только бы не заговорила.

– Столько всего, а выбрать нечего, правда? – заговорила продавщица. – У меня самой всегда с обувью проблемы. Никогда не могу удачно выбрать. То трет, то жмет, то каблук высокий, то цвет – ни к селу ни к городу…

– Да. – Ольга постаралась говорить спокойно. – Да, обувь – это проблема…

– У меня большие пальцы на ногах были обморожены, – пожаловалась продавщица. – Если обувь хоть чуточку жестковата – все, не могу носить. Такая боль, прямо никакого терпения. Тоска.

– Тоска, – согласилась Ольга и неожиданно для себя призналась: – У меня то же самое.

Продавщица глянула на ее разношенные тенниски и понимающе покивала:

– А-а-а… Тогда вам надо осторожно выбирать. Вы что искали – на каждый день или на презентацию?

– Вообще-то на презентацию… – Ольга поймала себя на том, что улыбается. Совершенно спокойно и естественно. – Но хорошо бы, если бы и на каждый день подошли.

– Вот такие? – Продавщица приподняла ногу и повертела стопой.

Туфли, конечно, были классные. Сказка, а не туфли. Такие туфли не могли сделать на фабрике. Эти туфли наверняка выросли и расцвели на кусте темно-красных, бархатистых, нежных роз…

– Красные я никогда не надену… – Ольга с сожалением вздохнула. – Вот если бы они светлые были… Бежевые или серенькие…

Ольга говорила так, будто за бежевые или серенькие она прямо сейчас отдала бы несколько сотен. Не задумываясь. Актерка. Лицемерка. А с другой стороны – все правильно, отдала бы не задумываясь. Если бы у нее эти несколько сотен были.

Продавщица вдруг оживилась:

– Кажется, одна пара светлых оставалась. Не помню, вроде кто-то отложил, взять хотел, а потом… Нет, не помню. Могу поискать. У вас какой размер?

Ольгу затошнило. Ну кто тебя за язык тянул? Ну почему ты все время напрашиваешься на неприятности? Она опять увидела свое отражение в зеркалах за подставками и мысленно дала себе пощечину. Спокойно. Хватит истерик. Нечего себя жалеть. У нее все хорошо. Никаких неприятностей. Девочка просто очень профессиональный работник. Продавец высокого класса. Ее задача – продать тебе товар. Она ничего о тебе не знает и, уж конечно, не хотела тебя обидеть.

– Да, – сказала Ольга, чувствуя себя виноватой. – Поищите, пожалуйста. Я пока сумки посмотрю.

– Не торопитесь, – великодушно разрешила продавщица. – Я полчаса провожусь, это точно. Забыла, куда их сунули… Если они вообще оставались.

Хоть бы их не было, хоть бы она не нашла эти проклятые туфли, думала Ольга, пробираясь сквозь толпу к галантерейному отделу. Еще она думала: после этого толкания в толпе она три часа просидит у Галки в садике, закрыв глаза и заткнув уши ватой. Потом она подумала: а какого дьявола вообще надо толкаться в толпе, пробираясь к сумкам? Все равно она ничего не собирается покупать.

А потом она увидела эту маленькую девочку. Девочка стояла в центре пустого пространства, каким-то неизвестным науке способом образовавшегося посреди бурлящей людской массы, и ни один человек почему-то не переступал невидимых границ этого круга. Вроде бы никто не обращал специального внимания на маленькую девочку, похоже, ее вообще не замечали. Каждый в толпе был озабочен своими проблемами, каждый увлеченно убивал свой обеденный перерыв на шатание от прилавка к прилавку и не смотрел на то, что не было товаром. Но каждый, кого толпа выносила к этому свободному пространству с ребенком посередине, вдруг тормозил, будто не решаясь переступить невидимую границу, пятился или шарахался в сторону, втягивался обратно в толпу. А девочка в центре свободного пространства медленно кружилась, расставив в стороны руки и слегка запрокинув темную кудрявую голову.

Компас, подумала Ольга. Одна рука ищет север, другая – юг. Такой прелестный живой компас в белом платьице.

Девочка, медленно кружась, повернулась к Ольге славной смуглой мордашкой, и Ольга схватилась рукой за горло… У девочки были огромные, неподвижные, напряженные глаза, и Ольга догадалась бы обо всем, даже если бы на шее ребенка не висели на цепочке затемненные очки с толстыми, как дно стакана, стеклами, в центре которых светились оконца глубоко выдавленных линз. Наверное, минус восемнадцать – девятнадцать. Ах ты, чижик одинокий…

– Эй, – негромко позвала Ольга, опускаясь напротив девочки на корточки. – Эй, ты кто, чижик?

Девочка остановилась, опустила руки и слегка вытянула шею, прислушиваясь.

– Вот она я. Прямо перед тобой, – подсказала Ольга осторожно.

– Я знаю, – сказала девочка с неожиданной снисходительной интонацией и уверенно шагнула к Ольге, протягивая руки с растопыренными пальцами. – Я твои слова унюхала. Ты вкусно пахнешь.

– Это я недавно ватрушку ела, – объяснила Ольга. – Она с ванилью. А ты почему здесь одна?

– Я не одна. Я с папой, с Ниной, с Сашей-маленьким и еще там, в машине, новый шофер дядя Слава. Мы приехали мне подарок искать. Мне завтра буквально пять лет. А потом мы с Ниной от них ушли, а потом я от Нины ушла. Я тоже ватрушку хочу. С ванилью.

Ольга подхватила девочку на руки, а та обняла ее за шею руками, а ногами – за талию, уютная, как котенок, крепкая, как щенок, и цепкая, как обезьянка. Толпа тут же заняла свободное пространство.

– Ну, пойдем ватрушку есть, – согласилась Ольга. – Только сначала зайдем в радиоузел и объявим твоему папе и всем-всем-всем, что ты нашлась и ждешь в кафе. Тебя как зовут?

– Анна Игоревна, – сказала девочка шепотом Ольге на ухо. – А тебя?

– А меня Ольга, – так же шепотом ответила Ольга, улыбаясь неизвестно чему.

– Это изумительно… – Шепот, щекочущий шею Ольги, был полон тепла и симпатии. – Я тебя буду звать Оленька. Ладно? У тебя красивый голос.

– Не обманывай. У меня вообще голоса нет, – шептала Ольга, прижимая к себе маленькое, но довольно увесистое тельце и осторожно поднимаясь по ступенькам лестницы наверх. – Я тебя буду звать Чижиком. Ты не против?

– Я не против. У тебя правда красивый голос. А меня все зовут Анна Игоревна. Вот глупые, да?

Так, шепчась и хихикая друг другу в ухо, они и добрались до радиоузла, который оказался рядом с кафетерием. Толстая потная тетка вытерла полой форменного халата лоснящееся лицо, щелкнула тумблером и пронзительно заверещала в микрофон:

– Потерялся ребенок, девочка лет четырех, зовут Аня, родителей просят…

И тут Анна Игоревна неожиданно проявила характер. Она с такой силой рванулась из рук Ольги, что та чуть не уронила ее, и во весь голос завопила:

– Я не потерялась! Я сама от них ушла! Сначала мы от папы ушли, и от Саши-маленького ушли, потом я от Нины ушла, а потом мы с Оленькой сюда пришли!

Толстая тетка от неожиданности не сразу выключила микрофон, и по всем этажам универмага несся возмущенный детский крик, испуганное бормотание радиотетки и смех Ольги, которая к тому же с выражением декламировала:

– Я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, от медведя ушел, и от волка ушел…

Наконец микрофон выключили, и Анна Игоревна совершенно спокойно, но властно распорядилась:

– Я сама объявлю объявление.

Радиотетка злобно сопела и утирала лицо халатом. Ольга опять подхватила девочку на руки и виновато сказала:

– Ладно, мы ее папу будем в кафе ждать. Будем есть ватрушки и пить чай. Да, Чижик? – Она не хотела, чтобы девочка сердила радиотетку. И боялась, что радиотетка как-нибудь обидит ее Чижика. Надо же, Чижик, оказывается, уже ее. Анна Игоревна вдруг напялила на нос свои жуткие очки и стала рассматривать лицо Ольги.

– Сними очки, – приказала она.

Ольга, придерживая одной рукой ребенка, другой стащила свои светофильтры размером с тележное колесо и попыталась не очень щуриться от солнца,

бьющего в окно.

– Ты красивая, – серьезно сказал ее Чижик. – Зачем тебе такие черные очки?

– Мне свет мешает, – объяснила Ольга. – Я не люблю, когда очень яркий свет.

– А я люблю, когда свет…

– Ну, что вы там шепчетесь? – вмешалась радиотетка с плохо скрываемым раздражением. – Что, в конце концов, объявлять-то?

– Чижику завтра исполняется буквально пять лет, – быстро сказала Ольга. – Ее зовут Анна Игоревна. Она здесь с папой, с Ниной, с Сашей-маленьким и еще с шофером в машине. И от всех ушла. А от меня ни за что не уйдет. Мы пошли в кафе есть ватрушки с ванилью. Если кто-то хочет, пусть ищет нас там.

## Глава 2

– …Зовут Анна Игоревна… Завтра ей исполняется пять лет… – Голос в динамике запнулся и вдруг добавил: – Буквально… – Потом послышался сдавленный кашель, вздох и бумажный шорох. – Девочку повела в кафетерий на третьем этаже девушка в белом… – В динамике опять покряхтели и выдали с осуждающей интонацией: – Они обе в белом.

Игорь резал толпу плечом, стараясь не сбить кого-нибудь с ног, и машинально извинялся, задевая чужие локти-спины-бока. Извините, извините, извините, извините. Слишком много народу. За две минуты он перевыполнил годовой план по извинениям. Нет, он убьет эту Нинку. Извините… А если с Анной хоть что-нибудь не так, он убьет эту Нинку два раза. Извините, пожалуйста… Саша-маленький, мчащийся за ним сквозь толпу, подхватил того, кто оказался слишком легким для столкновения с плечом Игоря, и теперь перевыполнял собственный план по извинениям: «Извините, извините… у нас проблемы, очень серьезные… извините… разрешите пройти…»

– Разрешите пройти! – не выдержав, во весь голос рявкнул Игорь на лестнице, забитой народом. Люди машинально шарахнулись в стороны, и он понесся вверх, прыгая через несколько ступенек и в начале каждого лестничного пролета разметая толпу тем же криком.

Если проблемы действительно серьезные, он убьет эту Нинку десять раз подряд. И Александра он тоже убьет.

На третьем этаже народу почти не было, Саша-маленький догнал его и зашагал рядом, бубня над ухом бодрым голосом:

– Да ладно, Игорь Дмитриевич, все будет нормально. Если бы чего – так объявили бы, да? А то вон в кафе, кушают, наверное…

– Молчи, – сказал Игорь сквозь зубы. – Разговариваешь много, р-р-работничек.

– Да они вместе с Ниной были, ей-богу! – взвился Саша-маленький. – Она ее за руку держала! Я ж сам видел!

Они завернули за угол, украшенный стрелкой с надписью «Кафе», и чуть не налетели на Нину, которая, видимо, очень старалась опередить их, но не сумела из-за тугой, как перчатка, юбки и каблуков немыслимой высоты. Почти у дверей кафетерия Игорь настиг отчаянно семенящую девушку и резко остановил ее, охватив железными пальцами длинную стройную шею. Нина сдавленно пискнула, покачнувшись и взмахнув руками, и, не глядя на Игоря, залепетала со слезой в голосе:

– Игорь Дмитрич, честное слово, я ее все время за руку держала, честное слово! А потом она говорит: дай мне платок, честное слово, а я ее отпустила, платок достала, а ее уже нет! Ну честное слово! Я бы ее сама нашла, а тут по радио… Ну честное слово, пять минут не прошло, честное слово… Конечно, я виновата…

Игорь отпустил ее шею, вынул носовой платок и машинально вытер пальцы. Он тяжело молчал, разглядывая хорошенькое личико Нины, всегда такое самоуверенное, чтобы не сказать надменное. Сейчас на нем не читалось ничего, кроме паники.

– Да вон она, – осторожно вмешался Саша-маленький, кивая на стеклянные двери кафе. В голосе его мелькнуло искреннее изумление. – Смеется! Вон она, на коленке у белой девчонки.

Игорь глянул сквозь двери и тоже удивился. Анна и вправду смеялась. И не просто смеялась, а хохотала вовсю, заливалась, обнимая совершенно чужого человека, какую-то постороннюю девчонку вызывающего вида – белые бесформенные штаны, белая мужская рубаха с закатанными рукавами, белые тапки, белая шляпа с огромными висячими полями. Иностранка, что ли? Девчонка стояла у высокого столика, поставив правую ногу на металлический круг, соединяющий ножки стола внизу, и на ее согнутом колене сидела его Анна Игоревна, удобно опираясь спиной на обнимающую ее чужую руку. Анна за обе щеки уплетала ватрушку, что-то чирикала белой девчонке в ухо и смеялась. Девчонка тоже что-то уплетала, что-то шептала Анне на ушко и смеялась. У белой девчонки были оливково-смуглая кожа, очень темные, почти вишневые, губы и яркие белые зубы. Об остальных чертах лица не позволяли судить огромные черные очки и огромные же, неровно обвисающие поля шляпы. В кафетерии было человек десять, и все до одного, включая буфетчицу и подсобного рабочего, притащившего ящик с бутылками, не отрывали глаз от этой белой девчонки с его Анной Игоревной. Игорь вдруг понял, что улыбается. Потом он поймал взгляд Нины, которая, кажется, решила, что ее сегодня еще не будут убивать, и тут же перестал улыбаться.

– Свободна, – сказал Игорь, мельком глянув на тут же опять запаниковавшую Нину, и обернулся к Саше-маленькому: – Посади в машину, проводи до дома, позвони Тамаре, чтобы к завтрашнему дню приготовила расчет. Через пятнадцать минут машину – сюда, сам можешь пропасть до четырех.

Не слушая плаксивого вяканья Нины и виноватого «бусделано» Саши-маленького, Игорь повернулся и шагнул ко входу в кафетерий. Перед дверью чуть помедлил, ощущая, как медленно тает недавний страх, как приходит облегчение, а вместе с ним – неожиданный и неприятный взрыв ревности к этой чужой девчонке, с которой его Анне Игоревне, по-видимому, так весело и интересно. Интересно, о чем они там шепчутся?

## Глава 3

Анна Игоревна оказалась замечательной собеседницей. Совершенно недетская уверенность в себе, совершенно не по-детски обширный словарный запас – и восхитительно детские забавные конструкции, которые она непринужденно лепила из этого словарного запаса. Ольга боялась, что за ее Чижиком придут слишком скоро.

– Они быстро не придут, – будто читая ее мысли, уверенно заявила Анна, когда они устроились за высоким столиком, взяв две чашки чая, ватрушки и рулет с орехами. Все равно денег на туфли не хватает, а рулет с орехами, как оказалось, они обе сто лет не ели.

– Почему ты так думаешь? – с надеждой спросила Ольга.

– Я не думаю, я знаю! – Анна многозначительно поджала пухлые розовые губки. – Папа и Саша-маленький пошли в подвал. А Нина радио не слушает.

– Почему Нина не слушает радио? – удивилась Ольга. – И зачем папа с Сашей пошли в подвал? И почему Саша маленький? Он кто?

– Нина слушает музыку… ну, где продается музыка. Папа с Сашей-маленьким пошли в подвал смотреть, что бы там получше бы посмотреть. Саша маленький потому, что маленький еще. Большой тоже Саша, но они не братья. Они с папой работают. Я понятно объясняю?

Ольга обнимала Чижика, вдыхала свежий детский аромат, слушала чуть картавящий детский голос, довольный, негромкий тоненький смех и наслаждалась каждой секундой, пока никто не пришел и не вынул у нее из рук Чижика. И так этих секунд осталось мало, незачем тратить их на мысли о расставании.

– А что тебе подарят? – поинтересовалась Ольга для поддержания беседы, вытирая липкие лапы Чижика бумажной салфеткой, смоченной чаем.

– Пианину… – Анна тяжело вздохнула. – Я краски хотела, разноцветные. Чтобы рисовать. А то все рисуют, а я, значит, как дура на пианине должна играть.

– Ну почему, – рассудительно возразила Ольга. – Музыке учиться тоже неплохо.

– Я эту проклятую музыку терпеть ненавижу, – выразительно начала Анна.

Но Ольга уже отвлеклась от темы. Зря она сюда ребенка привела. Лучше бы остаться с той толстой радиотеткой или, например, подождать в комнате охраны на первом этаже. Вон тот черный тип – что ему надо? Минуту назад он потихоньку вошел в кафе, как кот в кладовку, взял одну чашку кофе, устроился через стол от них и уставился в затылок Анне хищным взглядом. Он не похож на человека, который проводит время за чашечкой кофе в паршивой забегаловке паршивого универмага. К тому же к своему паршивому кофе он так и не притронулся.

– Давай-ка, Чижик, мы сейчас пойдем и объявим по радио опять. – Ольга занервничала.

– Зачем? – Анна обняла Ольгу за шею и уткнулась ей в щеку липкими от сладкого губами. – Нам и здесь хорошо. Разве неправильно?

– Правильно, Чижик. Только… – Ольга увидела, что подозрительный тип оторвал локти от стола, выпрямился и шагнул к ним, не отрывая взгляда от ребенка. Она подхватила Анну на руки, прижала к себе покрепче, загородила ее плечом и, собираясь проскользнуть к двери за высокими столиками, подальше от подозрительного типа, торопливо шепнула: – Там дядька какой-то… Смотрит и смотрит… Давай от него сбежим?

– Это не дядька, это мой личный папа, – безмятежно сказала Анна. – Он недавно пришел. Кофе взял. Без сахара.

– Откуда ты знаешь? Ты же не… – Ольга прикусила язык. – Он же далеко еще.

– Нет, уже близко, – успокоила Анна. – Уже досками пахнет.

– Что? – удивилась Ольга. И тут же уловила отчетливый запах хвойной древесины, когда подозрительный тип оказался в паре шагов от них. Очевидно, это ее отец. Они даже похожи, как это она сразу не заметила. Оба такие смуглые, темноглазые, и совершенно одинаковые разлохмаченные черные буйные кудри.

Бежать Ольга раздумала, но на всякий случай Анну по-прежнему крепко прижимала к себе, закрывая от подозрительного типа плечом. Тип наконец отвел взгляд от девочки, быстро оглядел Ольгу и вдруг разулыбался во всю свою зубастую пасть.

– Это вы от меня ее защищаете, да? – Голос у него был негромкий, но довольно противный, решила Ольга. Насмешливый, снисходительный и… самодовольный? Вот именно, самодовольный голос самоуверенного подозрительного типа. К тому же она не любила слишком массивных людей.

Ольга молчала, осознавая, что неприязнь к этому совершенно незнакомому человеку вызвана только тем, что сейчас он заберет у нее ее Чижика. Потому что ее Чижик – это его Анна Игоревна. Господи, когда это кончится? Галка была абсолютно права: ей пора лечиться.

– Па, ты Нину не убил? – громко спросила Анна, продолжая обнимать Ольгу за шею, но чуть поведя носом в сторону отца.

Тот перестал улыбаться, но, как показалось Ольге, стал гораздо симпатичнее. Он смотрел на дочь мягко, задумчиво, нежно и еще как-то так, что Ольга вдруг подумала: он очень хороший отец. Хоть в этом Чижику повезло.

– Нет, я не убил Нину, – сказал тип серьезно. – Ну, разве только чуть-чуть… Она уволилась.

– Какая жалость, – с неискренней взрослой интонацией сказала Анна. – И давно?

– Пять минут назад. Ну, иди ко мне. – Тип протянул свои огромные лапы к Чижику.

Ах, вот оно что. Эта бедная Нина, наверное, была приставлена к дочке начальника, а теперь потеряла работу только из-за того, что ребенок сбежал в переполненном людьми магазине. Интересно, если бы Анна сбежала от самого отца-начальника, он бы себя тоже уволил? Начальнички. Соль и гордость российской земли. Первое впечатление было верным – подозрительный тип.

Подозрительный тип-начальник-отец ее Чижика стоял с протянутыми руками, а Анна все еще крепко обнимала Ольгу всеми четырьмя лапами и, кажется, не собиралась отпускать. И Ольге тоже совсем, совсем, совсем не хотелось отпускать ребенка.

– Смотри, какую Оленьку я нашла, – сказала Анна и взяла в свои маленькие ладошки лицо Ольги. – Правда, про-ти-во-ес-тественно красивая? Как последняя Не-фер-тити.

Тип опять разухмылялся во все свои сто сорок восемь зубов и окинул Ольгу откровенно оценивающим и насмешливым взглядом.

– Да уж, действительно. Как последняя… Нефертити.

Ольга почувствовала, как от ярости у нее холодеет затылок и сердце начинает трепыхаться где-то в горле. Все они…

– Иди к папе, – шепнула она Анне и приподняла ее, освобождаясь от детских объятий. – Нина, значит, осталась без работы. Ну-ну. А когда Чижик сбежит от вас, вас тоже уволят?

Тип прямо выхватил Анну у нее из рук и перестал улыбаться. То-то. И плевать мне на твои грозные взгляды. Ты не мой начальник. Ты чужой начальник, чужой муж и отец чужого ребенка. Я тебя не боюсь.

– От меня еще никто не сбегал, – процедил тип угрожающе, нависая над Ольгой, как мамонт над мышонком. – И запомни на будущее: от меня сбежать невозможно. Я понятно объясняю?

Ольга от страха сунула сжатые кулаки в карманы штанов, задрала подбородок и развернула плечи, изо всех сил стараясь вытянуть свои несолидные метр шестьдесят пять еще хоть на пару сантиметров:

– Да, мой генерал. Запомню на будущее, если вы считаете, что оно у нас есть. Не извольте гневаться. Осмелюсь заметить: мы с вами на брудершафт не пили. Так что без церемоний, пожалуйста, можешь называть меня на вы… Например, ваше высочество.

В его глазах появился интерес, лицо смягчилось, и уголок рта дрогнул в улыбке. Но Ольгу уже несла волна ярости, и неизвестно, куда бы эта волна ее вынесла, если бы не Анна, которая неожиданно вмешалась:

– Па, ты какой подарок мне купил?

Отец помолчал, потерся своей кудрявой головой о кудрявую голову ребенка и почему-то виновато сказал:

– Пианино.

– Ну, что ж теперь, – вздохнула Анна. – Она хоть не черная?

– Оно, – поправил отец. – Пианино – оно. Оно не черное, а… очень красивое. Кажется, коричневое. Светло-коричневое…

– Между прочим, Чижик хотел краски. Чтобы рисовать, – злорадно заявила Ольга. И тут же пожалела о сказанном, увидев, какой болью исказилось его лицо.

– Саша-маленький идет, – опять вмешалась Анна.

И тут же распахнулась дверь в кафе, и в нее шагнул рыжий парень совершенно невероятных размеров. Он был почти на голову выше отца Анны, а ведь Ольга едва доставала отцу Анны до подбородка. Если, конечно, учитывать ее шляпу. Если это Саша-маленький, то какой там у них Саша-большой?

Рыжему гиганту хватило трех шагов, чтобы оказаться рядом. Он был даже больше, чем казался издалека. Еще он был красив, раскован и доброжелателен. Он весь лучился улыбкой, демонстрируя продолговатые ямочки на свежих щеках, сиял ясными светло-карими глазами, хлопал пушистыми рыжими ресницами и пах лавандой. Если бы он уменьшился вдвое, отрастил волосы и стал девушкой, это была бы на редкость очаровательная девушка. Ольга залюбовалась его ямочками на щеках и почти простила его габариты, но тут Саша-маленький наклонился к ней, двумя пальцами приподнял поля ее шляпы и близко заглянул ей в лицо:

– Ну-ка, кто это нашу Анну Игоревну нашел?

От него пахнуло пивом, и Ольга опять мгновенно ощетинилась.

– Отлезь, мастодонт, – сквозь зубы зло сказала она и подчеркнуто брезгливо отстранилась от его руки. Саша-маленький даже не заметил ничего, он повернулся и взял Анну из рук отца, все так же сияя улыбкой.

Зато Анна тут же громко спросила:

– Что такое мыстадон?

– Мастодонт, – машинально поправил отец, задумчиво разглядывая Ольгу. – Зверь такой был, давно. Очень крупный.

Саша-маленький радостно захохотал, подбросил Анну вверх, потом усадил ее себе на шею и объяснил:

– Такой же большой, как мы с тобой.

Ольга следила, как этот громоотвод кидает и вертит Чижика так, что очки, висящие на цепочке, болтаются в разные стороны. Ольга хмурилась, и кусала губы, и хотела уйти, и не могла, потому что Чижик еще не попрощался с ней. Хотя бы.

– Ты чего вернулся? – спросил отец Анны.

– А! – спохватился Саша-маленький и, придерживая одной рукой ребенка, запустил другую во внутренний карман пиджака. Он вынул мобильник, казавшийся игрушечным в его ладони, и протянул отцу Анны: – Вот. Я уехал, а отдать забыл. Уже два раза звонили.

– Ладно, оставь у себя. Иди в машину. Анне ничего не покупай – она уже наелась неизвестно чего. Я сейчас…

Саша-маленький повернулся и пошел, унося на плечах Чижика. У двери вдруг обернулся и затоптался на месте.

– Оленька, ты ко мне завтра придешь? На день рождения… – сквозь приглушенный гомон в кафе едва услышала Ольга тихий, только для нее, вопрос Чижика.

– Да… Нет. Я… – Не могла же она пообещать. – Я постараюсь. Но если не получится, ты же на меня не обидишься, да?

– Да. Нет. Не обижусь. Но ты постарайся. До свидания.

– До свидания, Чижик.

Она отвернулась от захлопнувшейся двери и наткнулась на мрачный взгляд этого типа. Почему-то у нее не получалось думать о нем как об отце Анны.

– Что вы постараетесь? – подозрительно спросил тип. – Что «если не получится»?

Господи, как она устала. Старайся – не старайся, все равно ничего у нее не получится.

– Я сказала Чижику, что, если она потеряется, постараюсь найти ее еще раз, – хмуро сказала Ольга. – А если у меня это не получится, ее найдет бог знает кто, и тогда она попадет в милицию… или в приемник-распределитель. Куда сейчас направляют беспризорных детей?

Его лицо опять передернулось злобной гримасой, но ответил он довольно спокойно:

– Никогда не говорите того, о чем не имеете представления.

– Имею, имею, – упрямо буркнула Ольга. – И побольше, чем некоторые.

– Угу… – Его голос был полон презрения. Что ему от нее надо, в конце концов? Почему он не уходит? – Вы так хорошо во всем разобрались… Поэтому заговорили о красках?

– Да именно поэтому, – отрезала Ольга. – Чижику нужны краски. И карандаши, и книжки с картинками, и… В общем, ей надо многому научиться, пока… – Она запнулась, перевела дух и отвернулась. – Пока не поздно.

– Что вы имеете в виду? – помолчав, напряженно спросил отец Анны.

Ольга повернулась к нему и внимательно глянула в хмурое смуглое лицо. Он знал, что она имела в виду. Ольга почувствовала себя виноватой и уже хотела извиниться, но тут он неожиданно вцепился ей в плечо железными пальцами, наклонился к ней и злобно рыкнул:

– А тебе, девочка, не кажется, что это не твое собачье дело?

Ольга вывернулась из-под его тяжелой руки, отступила назад и лучезарно улыбнулась в его взбешенные глаза.

– Кажется, – сказала она ласково. – Мне, пацан, кажется, что это твое собачье дело. А мое собачье дело – выволакивать твоего ребенка из-под копыт толпы. Это надо же, оставить девочку с минус восемнадцать в этой давке одну! Па-па-ша… Да еще и рычит. Нормальный человек догадался бы по крайней мере поблагодарить…

Ольга была уверена, что жить ей осталось несколько секунд, но он внезапно успокоился – как-то очень быстро, будто его заморозили. Медленно выпрямился, опустил глаза, полез во внутренний карман пиджака, негромко бормоча:

– Поблагодарить… Конечно, благодарность… Естественно, как это я забыл… Поблагодарить, еще бы…

Вынул из бумажника какую-то купюру, мгновение смотрел на нее, потом усмехнулся, пожал плечами и протянул бумажку Ольге:

– Благодарю вас.

Ольга задохнулась от обиды и почувствовала, что сейчас разревется прямо на глазах этого наглого типа и всех, кто торчал в кафе, с интересом посматривая на них.

– Ну? – сухо сказал наглый тип, не опуская зажатой в пальцах бумажки.

Ольга сжала зубы и шагнула назад, и тут он быстро, каким-то кошачьим движением, сунул свою проклятую купюру в нагрудный карман ее рубахи. Ольга ахнула, шарахнулась от него, больно ударилась локтем о соседний столик и, хватаясь за свой шуршащий карман, прошипела сквозь зубы:

– Ах ты… новорос поганый!

Но он уже стремительно шел к выходу, и только раз на ходу обернулся через плечо и усмехнулся надменно и холодно.

Ольга лихорадочно огляделась, отыскивая свой пластиковый пакет, который бросила где-то под столом, когда они пришли сюда с Чижиком, и поймала несколько любопытных взглядов. Черт бы их всех побрал, почему на нее всегда все пялятся? И где этот подлый пакет? В нем же зонтик был, не хватало еще Галкин зонтик потерять. Ага, вот он. Она подхватила пакет, зажала в кулаке купюру и выскочила из кафе с твердым намерением догнать этого типа и заклеить его проклятой купюрой его проклятую ухмылку. Она чуть не свернула себе шею, мчась по лестнице вниз, и чуть не пришибла дверью какую-то тетку, выскакивая из магазина, но типа, конечно, не догнала. Растворился в воздухе, нечистая сила. Еще бы, его же машина ждала. Он сел в машину, и уехал, и увез с собой ее Чижика.

Ольга села на металлический поручень, огораживающий витрину, поставила локти на колени и уткнулась подбородком в кулаки. Как она сегодня устала, просто немыслимо. А завтра к десяти идти на собеседование. И неизвестно, будет ли из этого толк. Что ни говори, а встречают по одежке. А обуви у нее по-прежнему нет. И денег не хватает уже не только на приличные туфли, но даже и на то безобразие, которое будет жать, тереть и угнетать ее своим убожеством две недели, а потом благополучно развалится. Приплыли.

Спокойно. Без паники. Как там полагается говорить? У меня все хорошо, у меня никаких проблем, я со всем справлюсь. Ольга сжала зубы и потерла кулаками щеки. Что-то неприятно царапнуло кожу, она разжала пальцы и уставилась на смятую бумажку. Ничего себе. Не может быть. Этот тип хоть заметил, что сунул ей в карман? Ольга посидела, задумчиво разглаживая на колене стодолларовую купюру, покачивая головой в такт внутреннему диалогу с самой собой, потом

поднялась, сложила бумажку, сунула ее в карман штанов и нащупала там оставшиеся у нее деньги.

– Все продается, – холодно напомнила она сама себе. – Поганый новорос знает, что все продается. Вопрос только в цене. Интересно, что он оценил так высоко…

– Что? – Рядом тормознул мальчишка лет двенадцати, гладкий, румяный и нарядный. В одной руке он держал недоеденный стаканчик с мороженым, в другой – два еще не начатых.

– Ничего, – сказала Ольга. – Так, цитата из классики. Здесь где-то нищий сидел, ты не видел?

– Да у дверей. – Мальчишка нехорошо усмехнулся. – Бомж. Алкаш. Развелось их… Работать не хотят.

– Действительно, безобразие, – согласилась Ольга. – И куда только общественность смотрит? А ты у нас, конечно, ударник капиталистического труда. У тебя какой стаж? До пенсии далеко?

Мальчишка доел одно мороженое и начал разворачивать другое. Развернул, бросил яркую, сильно импортную упаковку Ольге под ноги и хладнокровно поинтересовался:

– У тебя что, крыша поехала?

– Yes, sir, – сказала Ольга печально. – It seems to me, sir.

Мальчишка хлопнул глазами и вдруг разулыбался.

– Sorry, miss, – начал он быстро. – I though, you are Russian…

– Куда уж нам уж, – сказала Ольга все так же печально. – Я, скорее всего, чукча. В крайнем случае – турка… нет, туркестанка. Как правильно будет?

– Не знаю, – хмуро сказал мальчишка, повернулся и тут же растворился в толпе.

– Не знает он… Чему вас только в школе учат? – возмутилась Ольга ему вслед.

Она сунула пакет с Галкиным зонтиком под мышку, повернулась и решительно направилась обратно к входу в магазин, перебирая пальцами деньги в кармане. Где хоть этот нищий-бомж-алкаш?

Нищего не было. Была нищенка. Маленькая такая старушка, одетая в древнее, но совершенно чистенькое тряпье. Лицо у нее было светлое, а глаза – тоскливые. Ольге старушка понравилась. Она не канючила, сидела себе молча на каком-то ящике в уголке и руку не протягивала, а держала на коленях. Но ладонью вверх.

Ольга остановилась перед ней:

– Бабушка, если бы у тебя было много денег, что бы ты купила?

– Булочку, – подумав, сказала старушка и пожевала губами. – Еще молочка бы купила. Сахарку.

– А если бы еще больше было денег?

– Лимон бы купила, – нерешительно сказала старушка. – Или даже сырку. Я раньше очень сыр любила.

– А если бы еще больше было денег?

Старушка закрыла глаза, глубоко задумалась, потом открыла глаза и покачала головой:

– Не знаю. Вот разве боты какие. Для осени. Может, доживу до осени-то.

Ольга опять пошевелила пальцами бумажки в кармане и уцепила одну. Вынула – сто рублей, наши, родимые. Значит, судьба. Она наклонилась, вложила в ладонь старушки деньги и слегка сжала ее прохладные узловатые пальцы:

– На сегодня тебе хватит? Нечего тут сидеть, в духоте такой.

Ольга повернулась и пошла к входу, но тут старушка всполошилась и поднялась со своего ящика, тревожно окликая ее:

– Девонька! Постой-ка… Постой… Ты мне чего дала-то? Видела?

Ольга оглянулась: старушка семенила за ней, размахивая сотенной бумажкой и испуганно тараща тоскливые глаза. Ольга остановилась, испытывая мучительное чувство вины, и неловкость, и жалось, и раздражение… Господи, как она устала…

– У меня еще осталось. В десять раз больше, – твердо сказала Ольга, стараясь не заплакать. – Ты бы, мать, деньги спрятала. Мало ли кто мимо ходит.

– Мимо люди ходят, – рассеянно сказала старушка, все так же протягивая руку с зажатыми в кулаке деньгами. – Девонька, а ты ведь меня обманула, да?

– Что?!

Нет, этот день закончится в дурдоме.

– Нету у тебя больше денег-то, ты мне последние отдала, – тихо, но уверенно сказала старушка.

Ольга сгребла оставшиеся в кармане бумажки в кулак, вытащила и показала старушке. Кроме ста долларов, там оказались еще четыре рублевых сотни, две десятки и талончик на троллейбус.

– Вон у меня сколько, полный карман! – Ольга вынула из кучи рублевые десятки и протянула старушке. – Вот, эти еще лишние остались.

– Бог с тобой, девонька… – Старушка отступила от нее, крестясь и суетливо пряча за пазуху сотенную. – Не надо мне больше, бог с тобой. Помоги тебе Христос.

Да, это бы не помешало, думала Ольга, входя в магазин и направляясь к обувному отделу. Хотя с какой стати Христос должен помогать именно ей? Та же старушка нуждается в помощи, похоже, куда больше. Уж не говоря об Анне

Игоревне. Правда, у Чижика есть отец, и хотя он подозрительный тип, но девочку любит, к тому же имеет возможность дарить ей на день рождения пианино и кидать сотню баксов чужой тетке, которая накормила его ребенка всего-то ватрушкой… Все-таки очень подозрительный тип. Пусть Христос ему тоже как-нибудь поможет. Уберечься от конкурентов, рэкетиров, киллеров, уголовного розыска, налоговой полиции и всякого такого… Что там еще связано с такими богатенькими типами? Пусть Христос поможет этому поганому новоросу, чтобы Анне Игоревне было полегче жить.

Продавщица встретила ее, как родную:

– Ой, как вы долго! А я туфли нашла, даже две пары. Такие подходящие, такие мягкие! Правда, совершенно разные, но обе пары светленькие, а одна – прямо на бал, шелковые, и каблучок небольшой, и такие дешевые, вот эти шестьсот, а эти вообще две сотни, прямо удивительно! Но они тряпочные, видите? Шелковые. Ненадолго, конечно, зато такие мягкие! Я себе такие обязательно возьму.

– У вас обменный пункт есть? – спросила Ольга устало. – У меня рублей почти совсем не осталось.

Продавщица глянула на поганую новоросовскую сотню и с готовностью предложила:

– А зачем менять? Я баксы и так возьму. И сдачу дам. Вам чек нужен?

– Нет, – сказала Ольга серьезно. – Чек мне не нужен. Мне туфли нужны.

## Глава 4

Галка смотрела, как Ольга выгружает покупки из двух больших пластиковых пакетов, и хмурилась все больше и больше.

Сырокопченая ветчина, полкило, не меньше. Так, сколько стоит? Пакет миндаля в шоколаде. Та-а-ак… Кулек апельсинов. Так-так. Копченая скумбрия. Банка шампиньонов. Банка зеленого горошка. Банка майонеза. Банка неизвестно чего.

– Ты что, банк ограбила? – Галка с опаской заглянула в один наполовину разгруженный пакет и пощупала тугой бок другого, пока полностью забитого.

– Нет, – строго сказала Ольга. – Не банк.

Галка чертыхнулась сквозь зубы, подхватилась и пошлепала босыми ногами в «дальнюю комнату» – конуру, отгороженную от остального пространства сложной баррикадой из древних шкафов и буфетов. В «дальней комнате» у Галки стоял такой же древний комодик с секретным ящиком, где хранились особо ценные Галкины – а последние полгода и Ольгины – вещи: документы, фотографии тех, кого никак не забудешь, и тех, кого надо бы скорее забыть; деньги – когда они были – и три облигации областного жилищного займа. Эти три облигации, три метра будущей квартиры, – все, что осталось у Ольги от всего, что у нее было. Если, конечно, допустить, что у нее вообще что-нибудь было.

Галка пришлепала назад в кухню, держа перед собой эти самые облигации веером. Была она уже не такая хмурая, но зато сильно удивленная.

– Я думала, ты как минимум полметра продала, – растерянно сказала она. – Даже обозлилась. Думаю: уж сколько натерпелись, и ничего, выкрутились. А тут, думаю, апельсинчиков ей захотелось… Ветчинки с конфеткой… Ну, извини. – Галка замолчала, с открытым ртом следя за тем, как Ольга вынимает из пакета две коробки с туфлями, помотала головой и нервно прокашлялась. – Значит, ты не банк ограбила? А кого?

– Частное лицо. – Ольга вынула последний сверток и понесла несъедобные покупки в комнату. – Чайник поставила бы. Я индийского чаю принесла. Настоящего.

– Чайник-то я поставлю… – Галка шлепала за нею, все так же растерянно держа перед собой веер из облигаций. – А ты мне хоть что-нибудь расскажешь?

Ольга ей кое-что рассказала. В общих чертах. Трудно было рассказывать Галке все подряд. Галка всегда пропускала мимо ушей то, что Ольга считала важным, и приматывалась с идиотскими расспросами о каких-то ерундовых мелочах, говорить о которых Ольге было неинтересно.

– Представляешь, – говорила Ольга. – От этого амбала алкоголем разит, а родной отец доверяет ему почти слепого ребенка! И они уходят, а он остается, и неизвестно, как он там с ней на лестнице, а он тут мне душу мотает, а что она там без него – ему начхать.

– А он брюнет или блондин? – перебила Галка, старательно слизывая майонезную кляксу с нового, только что подаренного ей Ольгой халата.

– Кто? – Ольга чуть не подавилась миндалем и попыталась сориентироваться в Галкиной логике. – Ребенок? Это же девочка, я же тебе только что…

– Да ну тебя! – Галка снисходительно усмехнулась. – Ты, Оль, не обижайся, но ты все-таки придурочная. Про ребенка я все поняла. И все. И забудь. Ну в чем ты-то виновата? Зачем ты себя грызешь? Слушай, давай тебя полечим маленько, а?

– Отстань, – буркнула Ольга. – Налечилась я уже. На всю оставшуюся жизнь… Отец – брюнет, амбал – блондин. То есть почти рыжий, только без веснушек. Очень красивый.

– То-то, – удовлетворенно вздохнула Галка. – Тебе голову надо вымыть. В шляпе-то завтра не пойдешь. Ща я воду греть поставлю.

– Спасибо, Галь, – сказала Ольга и проглотила комок в горле. – Что бы я без тебя делала…

– И тебе, Люлек, спасибо, – бодро ответила Галка, помахивая над столом рукой в нерешительности. – Как ты думаешь, что еще сожрать – апельсин или скумбрию?

– Слабительного. – Ольга встала из-за стола и направилась в комнату. – Ты посуду помоешь? Мне еще костюм погладить надо.

– Костюм я погладила, – отрапортовала Галка. – Посуду помою. Иди-ка ты в малину, пока солнышко еще хорошее. Может, хоть чуть покраснеешь. Все-таки странно: все люди как люди, если загорают – так это загар, а ты сколько времени каждый день на солнце жаришься, а все какая-то желтенькая. Как горчицей намазанная.

Ольга в одних трусиках валялась на раскладушке в углу Галкиного сада-огорода и лениво размышляла, что хорошо бы закончить портрет той парикмахерши прямо сегодня. Натура ей уже не нужна, работы там осталось всего часа на два, а деньги в любом случае хорошо бы побыстрее получить. Если завтра она устроится на работу – Галке на первое время хватит, а потом Ольга будет ей помогать со своей зарплаты. Ха-а-арошую зарплату обещают. Ой, стоп-стоп-стоп. Не будем планировать раньше времени. Будем прикидывать прямо противоположный вариант. Если – что вполне вероятно – завтра она при полном параде и в новых туфлях вернется сюда с фигой в кармане, то деньги будут нужны тем более. К тому же если портрет этой Надежде понравится, она покажет его подружкам. А если портрет понравится подружкам, они прибегут позировать тоже. И приведут своих детей. Как было после первого же портрета Галкиной соседки, когда вся улица выстроилась к Ольге в очередь. Правда, все это приносило копейки, но они с Галкой спокойно продержались полгода, а уж теперь, когда заказчик пошел денежный, и подавно продержатся. И не придется продавать три метра ее будущего жилья. А может, и еще удастся прикупить. Не сразу, конечно. Ну, ничего. У меня все хорошо. Обойдусь в случае чего и без высокооплачиваемой работы. Надо только вот прямо сейчас встать и закончить Надькин портрет.

Ольга вздохнула, перевернулась на живот и, не открывая глаз, пошарила рукой под раскладушкой. Нащупала коробку пастели, не вставая, вытащила ее и положила на раскладушку себе под бок. Опять запустила руку под раскладушку, уцепила папку с бумагой, приподнялась, сунула прохладную папку под себя и легла на нее, наслаждаясь ощущением внезапного холода на своем горячем животе.

– Ну, ты, корова, – сказала она себе сурово. – Ты что, загорать сюда пришла? А ну-ка соблюдай трудовую дисциплину.

Еще минутку полежала, ожидая, когда последняя прохлада от папки с бумагой впитается в кожу, опять вздохнула, стремительно взметнулась, перевернулась, села, по-турецки поджав ноги, и отдала честь безупречно четким жестом, правда, почему-то левой рукой.

– Есть приступить к выполнению задания, – громко сказала она и открыла глаза.

По ту сторону кустов стояла Галка – руки в боки, голова слегка склонена к плечу – и смотрела на нее хищным взглядом.

– Может, все-таки полечим тебя, а? – с надеждой спросила она. – А то вон уже сама с собой говоришь.

– С умным человеком всегда приятно поговорить, – ответила Ольга и, наклонившись, поискала в траве свои черные очки. – Знаешь, Галь, я сейчас подумала: а чего, в самом деле, особенного-то? У других еще не то бывает – и ничего, живут…

– Смотри-ка, – радостно удивилась Галка. – Сама собой вылечилась, кто бы мог подумать. Вода согрелась уже. Иди мыться, я тебе полью.

Через пятнадцать минут Ольга сидела на той же раскладушке в той же позе, сохла, с удовольствием пила чуть теплый слабенький чай с лимонными дольками и с удовольствием же доводила до совершенства портрет парикмахерши Надежды. Надежда пообещала за портрет пятьсот рублей. Ольга потратила на работу без малого два дня, но не отдавала портрет уже неделю. Как сказал бы ее бывший шеф – из соображений политической экономии. Или он говорил «экономической политики»? Как давно это было.

Ольга окинула готовый портрет последним критическим взглядом, сказала себе: «Ты гений, корова ленивая», – и спрятала портрет в папку. Посидела, повздыхала, допила чай, сказала себе: «Гений, но идиотка».

Потом достала из папки чистый лист торшона, выбрала мелок цвета золотистого загара и начала быстро набрасывать славную детскую мордашку, смуглую, румяную, смеющуюся во весь рот. Девочка на портрете так сильно смеялась, что почти зажмурила глаза.

## Глава 5

Ольга сидела в мягком кресле, обитом светло-серой кожей, и рассматривала работодателя. Это был совсем молодой человек – лет двадцать пять, наверное, – белобрысый, белокожий, белозубый и белорукий. Рубашка у него была тоже очень белая. А легкий летний костюм – серый, пепельно-серый, почти того же оттенка, что и Ольгин шелковый костюмчик. Впрочем, диван, кресла, шторы на

окнах и ковер на полу были тоже серые, серебристо-серые. Красиво. Когда Ольга прочла фамилию на полированной табличке на двери кабинета – Серебряный, – она представила что-то кудрявое, смугло-желто-красно-ярко-синее, томно-гитарно-цыганское. Вошла в кабинет и на нервной почве чуть не захихикала: ну совершенно серебряный. И кабинет серебряный, и хозяин кабинета – Серебряный, и сама она воткнулась сюда, как серебряная ложка в серебряную корзину для столового серебра. Нет, все-таки хорошо, что она выбрала из двух пар новых туфель те, которые попроще. Ее шелковые лодочки жемчужно-серого цвета с перламутровым сиянием были бы той последней каплей, которая переполнила бы эту серебряную чашу красоты. И все растеклось бы бесформенной лужей пародии.

Серебряный парень поднял нос от ее бумаг:

– Я смотрю, вы абсолютно все собрали, да?

В его голосе, кроме удивления, было и одобрение.

– У меня большой опыт подобной работы, – с достоинством соврала Ольга. – Но если вам требуется что-то еще, я могу предоставить любые сведения.

Как же, «что-то еще». Он ни за что не придумает, что за сведения можно потребовать еще. За четыре дня Любаша сделала все мыслимые медицинские справки, за это время Ольга честно обегала всех врачей в Любашиной поликлинике и еще несколько – в других. На всякий случай – для любителей подробностей – у нее в сумке лежала ее медицинская карточка, но было бы лучше, если бы этот Серебряный не оказался любителем подробностей. В конце концов, справка от каждого врача содержала главную информацию: практически здорова. Что ему еще может быть нужно? И рекомендации «с прежнего места работы» должны произвести впечатление. Она сама их диктовала своему бывшему однокласснику Славке Долматову, из которого неожиданно получился подполковник авиации, милому старичку Владимиру Ивановичу Болотину, местному писателю, давнему ее знакомому, и одной торговке, портрет которой она делала месяц назад. Писатель очень веселился, раскрывая ее светлый образ заботливой няни его детей. Два его сына были бы очень не против такой няни, заявил Владимир Иванович жизнерадостно. Вот только в этом месте: «никогда не допускает конфликтных ситуаций» – это вряд ли, ласточка моя. Они из-за вас друг друга просто поубивали бы. Хе-хе-хе.

Оба его сына были старше Ольги на пару лет.

Серебряный смотрел на нее и, кажется, собирался что-то спросить. На всякий случай Ольга решила перехватить инициативу.

– У вас больше нет вопросов? – Она говорила очень вежливо. Очень доброжелательно. Как учит нас Дейл Карнеги. – А то я тоже хотела бы кое-что узнать. Например, чем болен ваш ребенок. Он что… инвалид?

– Это не мой ребенок. – В холодных серебряных глазах мелькнуло удивление. – И он не то чтобы болен… То есть… И это не он, а она. В смысле – девочка.

– Не ваш ребенок?

Ольга растерялась. Какого дьявола ей тут смотрины устраивают? Что это за родители, которые поручают чужим людям выбирать няню для своего ребенка, да еще больного?

– Я хотела бы поговорить с родителями ребенка, – сказала она твердо. – Конечно, если это входит в их планы.

В серебряных глазах опять что-то дрогнуло, но ответил он с бесстрастным выражением лица бесстрастным же голосом:

– Конечно. Матери у девочки нет. С отцом ребенка вы поговорите через несколько минут. Я с вами говорю по его поручению. Еще вопросы есть?

– Только к отцу ребенка. К вам – нет. – Ольга подавила внезапное чувство неловкости. – А у вас ко мне?

– Один. – Серебряные глаза смотрели с подозрением. – Почему вы носите черные очки в помещении? У вас проблемы с глазами?

– Никаких проблем. – Ольга сумела даже улыбнуться. – Там есть справка от офтальмолога. Единица. Сто процентов. Просто я не люблю очень яркого света, а здесь солнце прямо в окна…

Серебряный встал и, прикрыв распахнутую раму, быстро задернул шторы.

– Так лучше? – безразлично спросил он, опять садясь за стол.

– Да, спасибо… Вы имеете в виду, что мне надо снять очки?

– Ну, знаете… – Парень смотрел на нее все с тем же подозрением. – Когда разговариваешь с человеком, хотелось бы видеть его глаза.

Ольга вздохнула и сняла светофильтры. Ей бы не хотелось, чтобы видели ее глаза. Ее до сих пор настораживала и даже пугала реакция тех, кто видел ее глаза. Ладно, все равно отец ребенка не он.

Она неохотно подняла ресницы и настороженно глянула в лицо Серебряному. И вдруг увидела, какой это молоденький паренек. В сущности, совсем мальчишка. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, лицо медленно заливала краска, и на полуоткрытых губах бродила растерянная улыбка. А серые глаза были просто испуганными.

– Во черт… – бормотал он. – Ничего себе… Черт побери, проклятье… – Он сел прямо, закрыл глаза, потер ладонями лицо и вдруг засмеялся. – Простите.

– Что-нибудь не так? – спросила Ольга. В конце концов, она и не такое видела. Однажды в магазине какой-то мужик, встретившись с ней глазами, выронил бутылку и даже не заметил этого, просто переступил через лужу и осколки и пошел за ней, как лунатик. А ее бывший шеф вообще сошел с ума, когда впервые увидел ее после… а, черт с ним. Ольга смотрела на мальчишку за столом и думала, что этот Серебряный – золотой парень. У него вполне человеческая реакция, кажется, он даже не собирается впадать в кому.

– Вам что-то не нравится? – настороженно спросила Ольга, наблюдая, как он потянулся к коробке селектора и нажал какую-то кнопку.

– Ну что вы, – поспешно ответил Серебряный и наклонился к аппарату. – Тамара Михайловна, будь друг, зайди сюда… – Он навалился грудью на стол и опять уставился на нее. – Извините, а у вас ресницы настоящие?

В голосе парня слышался горячий интерес, чуть ли не азарт. Визажист он какой-нибудь, что ли?

Странно все это. Куда хоть она попала? Ресницы им нужны настоящие. Или, наоборот, они имеют что-то против настоящих ресниц? И беседует она не с родителями ребенка, а с каким-то пацаном без особых примет. Особые приметы – серая личность.

В кабинет влетела какая-то баба без возраста – от тридцати до пятидесяти, прикинула Ольга. Крупная, крупнофигуристая, крупноглазая, крупноприческовая. Все в ней было как-то несколько преувеличено, особенно макияж, украшения и голос.

– Ну-ка, ну-ка, ну-ка! – заорала она с порога глубоким веселым контральто. – Кто тут у нас на этот раз? – Баба пронеслась мимо Ольги, зашла за стол и села на подоконник позади Серебряного. И только потом посмотрела на Ольгу. – Так-так-так-так-так… – Она говорила все так же весело, но гораздо тише. Улыбка у нее была широкая, а глаза оценивающие. – Ух ты, ух ты, ух ты…

«Заедает в ней что-то или это новый прием психической атаки?» – с раздражением подумала Ольга. Дама тронула Серебряного за плечо, они быстро переглянулись, и дама сказала:

– Ему волосы не понравятся. Наталья была платиновая блондинка.

– Так для кого вы няню ищете, я не поняла, – начала Ольга, накаляясь с каждым словом. – Какое отношение имеет цвет волос и длина ресниц к исполнению обязанностей гувернантки маленькой девочки, да еще больной?

– Да и молоденькая очень, – продолжала дама, совершенно не обращая внимания на Ольгин лепет.

– Тридцать два, – вставил Серебряный, сверившись с Ольгиными документами, до сих пор лежащими на столе перед ним.

– Ну-у-у? – У дамы округлились глаза, рот и даже, кажется, уши. – Вот в это я никогда не поверю, это явный подлог, подлог, подлог, фальсификация, очень

грубая подделка…

Ольга сжала зубы, по возможности медленно поднялась и шагнула к столу. Ничего ей в этом дурдоме не светит, это было ясно с самого начала. Неделю только зря убила на эти дурацкие справки.

– Ладно, все ясно, – сказала она резко. – Волосы я красить не намерена, тем более – ресницы подстригать. Так что я вряд ли подойду…

И вдруг застыла с протянутой к столу рукой, повернувшись к двери и с открытым ртом напряженно прислушиваясь к невнятному шуму в приемной.

– Чижик, – сказала она с недоверием. – Этого не может быть.

– Что? – Голос Серебряного был растерянным, голос дамы Тамары-как-ее-там – подозрительным. Ольга обернулась к ним и быстро спросила:

– Это ведь Анна, Анна Игоревна, правда? Это ведь для нее гувернантка?

– Ну-у-у, вы что-то уж очень много знаете, – совсем угрожающе начала дама Тамара, но тут дверь медленно, мелкими толчками, стала открываться, и Ольга так же медленно, на цыпочках, двинулась к этой двери.

Сначала в щель просунулась маленькая смуглая ножка в красной тапочке, потом ножка опять исчезла, за дверью пошебуршили, побормотали, потом дверь открылась пошире и пропустила маленькую чернокудрую девочку в белых шортиках и голубой футболке. Девочка входила в кабинет Серебряного спиной вперед, с явным трудом волоча через порог что-то громоздкое. А, мехового тигра величиной как минимум с Ольгу. Девочка что-то сердито бухтела и время от времени говорила строгим голосом кому-то там, за дверью:

– Не трогай! Я сама!

– Чижик, – тихо сказала Ольга, не веря своим глазам. – Эй, Чижик, как жизнь молодая?

Анна оставила своего зверя на пороге, быстро повернулась и потопала к ней, протягивая руки и улыбаясь во весь рот. Ольга опустилась на колени, поймала девочку в объятия и прижалась щекой к ее прохладной тутой щечке.

– А я знала, что ты придешь, – шепнула Анна ей на ухо.

– А я даже и не надеялась, – шепнула Ольга.

– Надежда – это последнее, что умирает в человеке, – строго шепнула Анна.

– Философ ты мой сопливый, – шепнула Ольга и засмеялась.

И Анна засмеялась, обнимая Ольгу за шею, откинувшись назад в кольце ее рук, подняв мордашку вверх и почти зажмурив глаза.

Ольга счастливо вглядывалась в лицо ребенка и вдруг сообразила, что начатый вчера портрет ее Чижика – точная копия сегодняшней Анны. Мистика.

И тут вдруг грянул гром – негромкий, но довольно противный мрачный голос этого типа, отца Анны, произнес прямо у нее над головой:

– Что хоть тут происходит, мне кто-нибудь объяснит?

Ольга замерла, выпустила из рук Чижика и стала медленно подниматься. Она слушала, как дама Тамара и Серая Личность одновременно стали объяснять отцу Анны что-то насчет документов, которые в полном порядке, и о специальной медицинской подготовке, и об опыте работы, а сама со смутной тоской думала, что нет в мире совершенства. Надо же, у ее Чижика – такой отец. Такой подозрительный тип. Зря она туфли покупала. Да еще и на его деньги. При воспоминании об этом ее просто как холодом обдало. Во влипла. Где хоть ее сумка? Вечно она сумки куда попало бросает. И еще очки. И документы не забыть бы. Отец Анны движением ладони остановил дуэт из-за стола и обернулся к Ольге:

– В двух словах. Ясно и коротко.

– Пришла наниматься, – в двух словах доложила Ольга. – Не подошли длина ресниц и цвет волос. Могу быть свободна?

– Я не об этом… – Он всматривался в ее лицо напряженно и как-то… растерянно, что ли? – Откуда вы знаете мою дочь?

Он кивнул на Анну, которая пыталась вскарабкаться по Ольге как по дереву.

Сейчас она с меня юбку стащит, подумала Ольга. Она подхватила девочку на руки, и та сразу же привычно обвила ее всеми лапами.

– Оленька ко мне в гости пришла, – объяснила Анна отцу снисходительно. – Не понимаешь, что ли?

– Какая Оленька? – все еще хмуро начал он, но лицо его уже начало меняться, сначала его затопило изумление, потом – недоверие, потом быстро промелькнули злость, насмешка, смущение, черт его знает что еще, и наконец осталось только странное, напряженное выражение, с которым он неотрывно смотрел Ольге в глаза.

– Почему вы здесь?

– По объявлению, – отрезала Ольга. В конце концов, что ей терять? Все, что можно, она уже потеряла. – Вы же сами давали объявление: «Требуется опытная гувернантка для боль… м-м-м… ребенка».

В объявлении было написано «для больного ребенка». При Анне она не хотела повторять полный текст объявления.

– И вчера вы нашли Анну случайно? – Он все не отводил взгляда, и голос его был полон подозрения и угрозы.

– Конечно, – сказала Ольга.

Но тут Анна отлепила свой клювик от Ольгиного уха, слегка откинулась, упираясь ладошками ей в плечи, и с изумлением спросила:

– Как это случайно? Ты, что ли, не меня искала?

Ольга с трудом удержала девочку на руках, покрепче обняла ее и торопливо сказала:

– Что ты, Чижик! Я тебя искала, и никого больше. Я тебя долго-долго-долго искала… И нашла.

– Это я тебя нашла, – довольным голосом поправила ее Анна и повернулась к отцу: – Па, я сама нашла Оленьку, ты знаешь?

Он стоял, угрожающе возвышаясь над Ольгой, такой жесткий, такой самоуверенный… Ольга подняла глаза и увидела его растерянный взгляд.

– Знаете, лучше меня вам няни не найти, – мягко сказала она неожиданно для себя. – К тому же мне ведь надо отработать аванс, вы помните?

Он вдруг хмыкнул, расплылся в улыбке и заговорщически подмигнул:

– А я видел, куда вы дели этот… аванс.

Ольга смутилась чуть не до слез, опустила глаза и забормотала, что не знала, что он за ней следил, что шла за ним, чтобы отдать, и все такое…

– Ага, шла! – Его улыбка стала еще шире. – Вы так неслись, что пробили бы меня насквозь, если бы догнали. Как ядро. Я за углом спрятался. Пожить-то еще хочется. Выглядываю – а вы нищенке валюту кидаете. Она не умерла там? От застарелого патриотизма…

Ольга в смятении смотрела на него, кусала губы и радовалась, что хоть чуточку загорела. Можно надеяться, что хотя бы желтая краска сейчас на лице присутствует. Потому что все остальные краски отхлынули от лица вместе с кровью, которая вдруг вся прилила к сердцу, которое в свою очередь ухнуло в пятки.

– Так что, – храбро вякнула она, стараясь не лязгать коленками, – когда я могу приступить к работе?

– Вчера, – ответил отец Анны, беря у нее из рук Чижика, усаживая ее на сгиб левой руки и протягивая правую. – Будем знакомы. Игорь Дмитриевич Серебряный.

Ольга положила свою ладонь в его неприлично большую лапу, но вместо того чтобы назвать себя, быстро окинула взглядом его довольно старые джинсы и простенькую белую футболку и глупо ляпнула:

– Как это – Серебряный? – Она кивнула в сторону стола. – А он тогда какой?

– Большой. Это у него фамилия такая, – неожиданно вмешалась Анна, наклонилась и с некоторым усилием разъединила их руки. Потом заерзала, освобождаясь от объятий отца, и потянулась к Ольге. – Пойдем, я тебе тигру покажу. Ее зовут Мурка.

## Глава 6

Игорь сидел за рулем, так что очень-то на Ольгу не смотрел, но всю дорогу ловил себя на том, что посмотреть хочется. Анна Игоревна была совершенно права – «противоестественно красивая» эта Ольга. Даже удивительно, как это он сам вчера не сообразил. То есть что в любой толпе она в глаза бросается – это он сразу понял. Только не понял – почему. Правда, она вчера в такой упаковке была, да еще эти черные очки… За такими очками вообще лица не видно, не то что этих ее фантастических глаз. Да еще и шляпа все занавешивала. Так что простительно и не сообразить… Хотя Саша-маленький сообразил. Он на эту тему у нас сообразительный. Вчера Саша-маленький молчал всю дорогу до дому, слушая, как Анна что-то чирикала про свою Оленьку, а выходя из машины, вдруг мечтательно пропел, сияя улыбкой:

– Нет, но ка-а-акой экземпляр, а? Штучная работа!

– Где? – оглянулся Игорь.

– Да я о той, в магазине… Ну, белая девчонка, которая Анну Игоревну нашла. Эта… Оленька…

Саша-маленький вдруг смущенно хмыкнул и отвел глаза.

– Моя Оленька красивая, – поддержала Анна Сашу-маленького и подергала его за руку. – Да, Саша? Ты ее любишь?

– Маленькая ты еще о таких вещах говорить, – строго ответил Саша-маленький, и Анна, как всегда, начала строптиво доказывать, какая она уже большая. А Игорь шел к дому за ними и снисходительно думал, что оба они, в сущности, дети. А потом вспомнил о своей выходке с сотней баксов – и обругал себя последними словами. Тоже мне, взрослый. Так скоро и прикуривать от сотенных начнешь, козел. А потом вспомнил, как эта ненормальная в шляпе мчалась за ним – это она так думала, что за ним, – размахивая его сотенной, как она шарахнулась влево-вправо у входа и, не заметив его, села на ограждение витрины в позе роденовского Мыслителя. Он уже хотел идти в машину, не дождавшись продолжения, но тут она встала, спросила что-то у какого-то пацана, пошла к дверям и спокойно сунула его сто долларов какой-то нищей старухе. Игорь, как это увидел, чуть не упал. Да уж, экземпляр…

– Вот здесь остановите, – сказала Ольга и взялась за свою сумочку. – Дальше я сама дойду. Там весь переулок перекопан, не проехать. Воду чинят, что ли…

Игорь приткнул машину у какого-то древнего забора, выключил зажигание и вынул ключ.

– Я вас провожу, – буднично сказал он, открывая дверцу и не глядя на Ольгу.

– Зачем? – удивилась Ольга, но тут же спохватилась: может быть, ему надо знать, где она сейчас живет. Мало ли что? Все-таки не секретаршу на работу берет, а няню для родной дочери. – То есть, конечно, проводите, пожалуйста. Здесь рядом, три дома от угла. Если хотите, я вас с Галкой познакомлю… с Галиной. Я у нее живу. Она моя подруга.

Игорь закрыл машину, шагнул за Ольгой в перекопанный переулок, и тут она остановилась, обернулась к нему и хлопнула себя ладонью по лбу:

– Гостинчик! Я про кулек забыла…

Игорь опять открыл машину и вынул объемистый пакет, который мать собирала для Ольги после празднования дня рождения Анны. А Ольга не только не протестовала, но еще и подсказывала, что она особенно любит и чего хорошо бы побольше завернуть «на вынос». А сотню баксов нищенке кинула. Нет, ей-богу, штучный экземпляр. Он попробовал представить, как в аналогичной ситуации повели бы себя его знакомые – или он сам, чего уж там, – и запутался. Нет, с баксами-то все ясно, с баксами все аккуратно обращаются. Никто из рук не выпустил бы… Вот разве только мать? Ну, мать – особый разговор. А кто из гостей куски со стола понес бы? Да еще так открыто. Нет, по-тихому, конечно, могут кое-что уволочь. Коробку конфет, бутылку шампанского там… Это могут, это бывает, он сам такое видел. Но чтобы салат в банку сложить или селедочку с лучком… Игорь шел за Ольгой, смотрел, как она осторожно переступает босыми ногами, а туфли несет в руке, волок увесистый пакет, звякающий банками-тарелками, и улыбался, вспоминая, как мать саданула его локтем в живот, когда он неловко попытался тормознуть это собирание объедков в «гостинчик».

– Не понимаешь – помалкивай, – сказала мать. – Человек домой, считай, к вечеру придет. Сама с ног валится, а дел до хрена. Когда ей чего готовить? А тут и на вечер, и на утро, и про запас на пару дней… Оль, тебе котлетки понравились? Я ща еще котлеток положу. А то этот паразит будет два дня в холодильнике добро гноить, а потом выбросит к свиньям собачьим.

– Котлетки мне уж-ж-жасно понравились… – Ольга сидела у кухонного стола с полусонной Анной на коленях и со спокойной улыбкой наблюдала за суровой родительницей Игоря. – Вы, Инга Максимовна, не обращайте внимания. Мужик – он и есть мужик. Что они могут понимать в котлетках? Или, допустим, в соленых огурчиках?

– Или, скажем, в апельсинах, – в тон поддержала его мать и подмигнула Ольге. – Кагору почти полная осталась. Тебе кагору закубрить?

– Кагору не надо, – все так же тихо улыбаясь, сказала Ольга. – Кагор у нас пропадет. Непьющие мы.

– То-то, я смотрю, что-то ты больно молодая да красивая.

Игорь вспомнил, какое странное выражение промелькнуло в Ольгиных глазах после этих слов его матери. Она вроде бы… обиделась. Или испугалась?

– Ольга, – окликнул он негромко и, когда она обернулась, неловко переступив босыми ступнями по каким-то мелким камешкам, строго спросил, глядя ей в глаза: – Ольга, вы знаете, что очень красивая?

– Да, конечно, – рассеянно сказала она. – А Чижик всегда днем не спит?

– Не спит? Как это? А-а, нет, как же, всегда спит. Просто сегодня так получилось – праздник, бабушка приехала, гости, все такое.

– Мама у вас тоже очень хорошая, – задумчиво сказала она, повернулась и пошла к калитке.

Хм, «тоже». А кто еще? Еще Анна. Конечно. Естественно. Игорь вздохнул и вошел в калитку следом за Ольгой.

– Та-а-а-ак… – Низкий женский голос был полон такой зловещей угрозы, что Игорь невольно остановился и поднял глаза. Ольга отступила в сторону, и он оказался лицом к лицу с мощной особой, которая стояла на крыльце, расставив ноги, уперев руки в необъятные бока и высоко задрав левую бровь. Особа была румяна, белобрыса и лоснилась темным сельскохозяйственным загаром – короткий ситцевый халат без рукавов открывал незагорелые участки молочно-белой кожи выше локтей, ниже шеи и над коленями. – Та-а-а-ак, опять метла нужна?

– Нет, Галь, не нужна, – сказала Ольга несколько смущенно. – Это мой… м-м-м… хозяин. Меня на работу приняли. Познакомьтесь. Это Галина. Это Игорь Дмитриевич.

Галка тут же заулыбалась, закудахтала что-то в том смысле, что она и не сомневалась, засуетилась, кинулась в дом и уже оттуда заорала:

– Добро пожаловать! Прошу! Проходите, пожалуйста, Игорь… э-э-э… как вас там! Сюда, вот прямо сюда, можете не разуваться!

Игорь ошеломленно моргал глазами, а Ольга трогала голой ступней воду в корыте, стоящем у крыльца, посматривала на него и чуть-чуть виновато улыбалась.

– Галка вас чай заставит пить, – вздохнула она и влезла в корыто обеими ногами. – Мне так кажется. Чтобы в неформальной обстановке исследовать как личность. Вы не обижайтесь, она хорошая. Очень. Если вы откажетесь, она будет ругаться, но простит.

– Ну почему, – сказал Игорь не очень уверенно. – Можно и чай.

– Ну, где вы там? – Галка высунула в дверь голову и опять исчезла. – У меня чай уже заваренный! Только что! Вот удача, да? Я уж думала, одной пить придется…

Голос удалился и неразборчиво гудел где-то в глубине дома.

– Сейчас она переоденется, – транслировала Ольга, поднимаясь рядом с Игорем на крыльцо. – Ради такого гостя. Вот сюда, это кухня. Давайте кулек на стол, я сейчас сама его разберу. Теперь сюда…

Она бросила свои туфли в угол, шагнула сквозь занавес из деревянных и стеклянных шариков и растаяла в полумраке.

Игорь с некоторой опаской шагнул за ней, пригибаясь под низкой притолокой, и оказался в довольно большой комнате с низким потолком, одним маленьким окном и невероятным количеством каких-то доисторических шифоньеров, столпившихся в одном углу. У окна стоял старый письменный стол, с одной стороны от него – кресло, закрытое белой бараньей шкурой, а над креслом опасно низко висела полка, забитая книгами. Еще в комнате были три доисторические табуретки и венский стул с ободранным сиденьем. Стул и табуретки стояли по всей комнате без всякой видимой логики, будто бродили по полу куда глаза глядят и замерли на месте, когда люди вошли. Вместо занавески на окне висел цветастый ситцевый платок, а на низко висящей электрической лампочке – роскошный кружевной абажур ручной работы.

Игорь осматривался с удивлением и некоторым испугом.

– Вы здесь живете?

– Да. – Ольга смотрела на него со странным выражением. – Правда, здесь хорошо?

Игорь не успел сообразить, что ответить, потому что в спину ему мягко толкнулась мощная ладонь Галины, и ее ласковый бас заворковал над ухом:

– Вот, Игорь-забыла отчество, во-о-от, сюда, пожалуйста, в это кресло, оно у нас гостевое, особое, почетное… Сюда, сюда…

Игорь шагнул к креслу, повинуясь настойчивой сильной руке, но тут Ольга резко сказала:

– Галь, прекрати!

– А что такого? – театрально удивилась Галина. – Я человека усаживаю. Чай пить.

– Игорь Дмитриевич, сядьте сюда. – Ольга взяла одну из табуреток и поставила ее с другой стороны стола. – В кресло я сяду.

Она показала Галине кулак так, чтобы Игорь не заметил. Но он заметил. Еще он заметил, как жизнерадостное румяное лицо Галины на секунду выразило притворное раскаяние, но как только Ольга отвернулась, тут же преисполнилось каким-то коварным умыслом. Интересные подружки.

– А что там насчет метлы? – невинно поинтересовался он, усаживаясь на предложенный табурет и наблюдая, как женщины сервируют стол. Хм, сервировка. Он давно не видел подобного. – Что там за метлу вы хотели найти? Когда мы пришли, помните?

– А поганую метлу, – с готовностью объяснила Галина. – Я ею курятник чищу. От помета. А когда за Олькой кто сдуру увяжется – так я его поганой метлой.

– Эй, – окликнула Ольга из кухни. – Ты не очень-то меня компрометируй, радость моя. А то уволят до окончания испытательного срока.

– Уволят – им же хуже, – беззаботно ответила Галка. – Где они еще такую найдут?

– А почему «не компрометируй»? – спросил Игорь. – И почему «сдуру увяжутся»? За Ольгой сам бог велел увязываться. Если кто не увяжется – так вот это уж точно сдуру.

Сквозь занавес из бусин шагнула Ольга с тарелкой в руках и остановилась, глядя на Игоря напряженным, неприязненным взглядом. И Галина замерла на полушаге, глядя на него тоже напряженно и почти угрожающе. Ну и ну, подивился Игорь. Он в жизни не встречал подобной реакции на комплимент.

Ольга опустила глаза и с непроницаемым лицом понесла к столу тарелку. Галина отступила от стола и из-за Ольгиной спины многозначительно улыбнулась Игорю.

– Да нет уж, Игорь Батькович, – медленно сказала она. – Вы мне уж на слово поверьте. Сдуру – это как раз те, кто увязывается.

– Метла? – спросил Игорь шутливо, пытаясь разрядить почему-то сгустившуюся атмосферу.

– А что? – рассудительно сказала Галка. – Метла – довольно эффективное средство борьбы со всякими паразитами. Если на них не действуют другие средства. Куриного помета просто ну никто не выносит. Оль, ты бы переоделась, а? На тебя уж налюбовались. Ляпнешь на юбку чем-нибудь…

Ольга смущенно глянула на Игоря и шагнула к баррикаде из древних шкафов:

– Я сейчас.

Игорь растерянно смотрел, как она открыла дверцу одного шкафа, шагнула внутрь и закрыла дверцу за собой.

– Все балдеют, – довольным голосом сказала Галка, наблюдая за ним хитрыми глазами. – Это не шкаф. Там у нас дальняя комната. Ольгина.

– Ольга давно у вас живет? – спросил Игорь вполголоса.

– Давно. Полгода вроде. Оль, ты давно у меня? – не повышая голоса, спросила Галка.

– Почти семь месяцев, – так же вполголоса отозвалась Ольга из-за баррикады. – С ноября.

Ну и ну. Дальняя комната. И кухня – она же прихожая – метр на метр. А из кухни еще одна дверь – за этой стенкой, видимо, вторая комната. Судя по фасаду, четыре квадратных метра. И они здесь вдвоем живут.

– Мне у вас нравится, – удивленно признался Игорь, наблюдая, как Галка наливает чай в разнокалиберные чашки. Ни одной вполне целой – или щербатая, или ручка отбита, или трещина по краю. – У вас как-то… спокойно.

– А то, – уверенно отозвалась Галка. – У нас всем нравится… – Она глянула на Игоря с надеждой и понизила голос: – Может, все-таки сядешь в кресло, а?

– Галь! – Тревожный голос Ольги был чем-то приглушен, будто она говорила сквозь прижатое к лицу полотенце. Послышался слабый треск, что-то звякнуло, потом дверь шкафа распахнулась, и Ольга торопливо шагнула из него, повязывая голову платком. – Галь, я тебе сейчас уши оборву.

Игорь опять ее не сразу узнал. На ней была широкая бесформенная юбка из сурового полотна, длинная, почти в пол. Панёва, вспомнил Игорь где-то слышанное слово. Свободная блузка… нет, блузкой это назвать язык не поворачивался. Свободная белая рубаха с длинными рукавами, завязочками у горла и вышивкой на груди была, очевидно, найдена в запаснике какого-нибудь музея национального костюма. А стильное каре ее серебряных волос скрывалось под низко повязанным белым платком в мелкий синий горошек. Такой платочек когда-то был у его бабушки. Только бабушка завязывала его под подбородком, а Ольга – сзади, на затылке.

– Галь, ты что мне обещала? – тревожно говорила Ольга, не замечая взгляда Игоря. – Брось ты свои глупости… Ведь когда-нибудь кого-нибудь убьешь!

– Пока никого не убила, – резонно возразила Галка и с достоинством поджала губы. – И это никакие не глупости, зря ты мне не веришь.

– Ладно-ладно, – примирительно буркнула Ольга. – Давайте лучше чай пить.

Она прошла к креслу и беззаботно плюхнулась в него – прямо под перегруженную книгами и бумагами полку. Игорь невольно привстал и с тревогой глянул на это легкомыслие – от грубого края тяжелой полки до белого платочка в синий горошек было сантиметров сорок, не больше.

– На нее сроду ничего не упадет, – с довольной улыбкой сказала Галка, перехватив его взгляд.

– Кто его знает. – Игорь с сомнением смотрел на эту проклятую полку. – Все-таки, знаете, поосторожнее надо бы.

– Может, кому-то и надо бы поосторожнее, – многозначительно протянула Галка, устраиваясь на своей табуретке у стола. – Тут раз одного всего книгами завалило. Только сел – хрясь, полка и оборвалась… – Галка с сожалением чмокнула губами. – Не совсем, правда. Но все-таки ваза прямо по башке попала! – Она удовлетворенно вздохнула и посмотрела на Игоря с гордостью. – Можешь себе представить?

– Очень даже могу… – Игорь все так же тревожно смотрел на полку. На самом верху, на бесформенной груде каких-то бумаг, криво стоял какой-то сосуд типа лампы Аладдина. Металлический, между прочим.

– Не слушайте вы ее, – вмешалась Ольга, беря свою чашку. – Она сама себе приметы какие-то дикие выдумывает, а потом сама же в них верит.

– Какие приметы? – без особого интереса спросил Игорь, тоже берясь за свою чашку и все еще поглядывая на полку.

Ольга отмахнулась от вопроса легким движением маленькой ладони, но Галка серьезно сказала:

– Никакие не дикие приметы. Чистая правда. Все зависит от того, кто в это кресло сядет. Оль, ты вспомни, на тебя хоть раз что-нибудь упало? – Она повернулась к Игорю с таким выражением, как будто выложила самый главный аргумент: – Понятно?

– Нет, – честно признался Игорь.

– Да почти на всех что-нибудь падает, – нетерпеливо объяснила Галка. – Или книга, или ваза, или вообще все подряд… В зависимости от степени вины.

– Какой вины? – Игорь чуть не поперхнулся чаем.

Ну и ну. Куда это он попал? Ольга встретила его взгляд, фыркнула и, прикусив губу, опустила глаза.

– А ты, Оль, не хихикай, – сердито глянула на нее Галка и вновь обернулась к Игорю: – От степени вины перед родными и близкими. Перед кем-нибудь. Перед всеми. Перед человечеством.

Она долго серьезно смотрела на Игоря и вдруг расплылась в довольной улыбке:

– Не хочешь попробовать?

Игорь понимал, что это чистой воды идиотизм. Он будет выглядеть стопроцентным дебилом, сидя в этом кресле и ожидая, когда на него действительно свалится эта дубовая полка… Он поставил чашку на стол, поднялся, обошел Галку и остановился над Ольгой, свернувшейся в кресле калачиком. Она непонимающе смотрела на него и не двигалась.

– Ну… – Игорь наклонился, обхватил ладонями ее талию, вынул из кресла и поставил на пол. – Я хочу попробовать. Мне интересно, в чем я виноват.

– Да бросьте вы, – сказала Ольга, с гримасой неудовольствия отстраняя его руки. – Глупости все это.

Игорь еще раз глянул на полку, но удержался и не качнул ее, как собирался, пригнулся и осторожно опустился в кресло. Несколько секунд ничего не происходило, потом над головой у него что-то едва слышно треснуло, зашуршало, и он поднял руки, чтобы защититься от возможного удара по башке, – ну и поделом тебе, вот дурак-то… Но тут лист бумаги скользнул сверху, качнулся в воздухе перед его глазами и лег на колени. Игорь все-таки потрогал полку вытянутыми вверх руками, покачал ее, потолкал… Да нет, все в порядке,

крепко висит. Успокоился, взял с колен упавший листок и перевернул его. Перед ним была его Анна. Она смеялась во весь рот, чуть закинув голову и почти зажмурив глаза.

Он смотрел на портрет дочери и чувствовал, как темная волна гнева и разочарования заливает душу. Вот, значит, как. Случайная встреча в магазине вчера, случайный приход по объявлению сегодня… На полке над его головой опять что-то зашуршало, но он не обратил внимания. Поднял глаза на Ольгу – она была смущена. Еще бы.

– Откуда это у вас?

Если она не ответит, он ее придушит.

– Это я вчера нарисовала, – виновато сказала Ольга. – По памяти. По-моему, похоже немножко… Или нет?

– Вы нарисовали?

В голосе Игоря было такое недоверие, что Ольга засмеялась. Галка вынула рисунок из рук Игоря, полюбовалась и отдала назад.

– Ольга у нас классно рисует, – с гордостью сказала она. – Прям с одного раза лепит. Глянет, р-раз – и как живой. Она с этой девочкой вчера познакомилась. В магазине. Родители потеряли, а Ольга нашла. А отец на нее же и наорал. А эта дура, Ольга то есть, весь вечер эту девочку рисовала, а всю ночь ревела.

– Галь! – в смятении крикнула Ольга.

– А что, нет, что ли? – Галка повернулась на табуретке и уперлась ладонями в колени. – Думаешь, если ты слышишь, как моль летает, так я вообще глухая? Я всегда слышу, когда ты сопли на кулак мотаешь. – Она повернулась к Игорю и сердито выдохнула длинную струю воздуха: – У-ф-ф-ф-ф… Извини, тебе, само собой, непонятно… Я прям видеть не могу, как она из-за всего душу рвет. Ну, хорошая девочка, ну, жалко ее, конечно. Но родители-то у нее есть, верно? Хоть и такой отец, зато богатый. Тоже плюс… – Галка перевела взгляд с Игоря на Ольгу, потом опять на Игоря, пошлепала губами и опять вынула из его рук

портрет Анны. – Это ты ее отец, – сказала она утвердительно, разглядывая Игоря и рисунок попеременно. – Ну дела-а-а.

Галка встала, обхватила голову Ольги ладонями, прижалась лбом к ее лбу и сказала как заклинание:

– Все будет хорошо. Вот увидишь. Послушай меня, дуру старую: все будет хорошо.

Цирк, думал Игорь растерянно. Театр абсурда. Таких совпадений не бывает. Или бывают? На полке опять что-то зашуршало, зашумело, и на голову Игоря посыпался целый ворох листов – некоторые чистые, некоторые с набросками, – а под конец упала тонкая пластиковая папка, на лету оскорбительно шлепнув его по носу.

– Та-а-а-ак… – Галка потерла руки и плотоядно ухмыльнулась: – И перед кем же ты провинился?

## Глава 7

Когда Игорь приехал домой, Инга Максимовна уже уложила Анну и теперь устраивала большой шмон в дальней комнате. Хм, дальняя комната. Даже удивительно, как это для двух таких разных вещей можно было придумать одно название. Игорь попытался представить себе, какое впечатление могла произвести его квартира на Ольгу. Строго говоря, это были две соседние квартиры на одной лестничной площадке, несколько перестроенные и соединенные в одну. Дальней комнатой в его квартире мать называла бывшую кухню, из которой по ходу ремонта убрали всякие трубы-раковины-плиты и, передвинув внутренние перегородки, объединили ее с ванной, небольшой кладовкой и куском коридора в отдельный блок – получилась как бы квартира в квартире. Вот в этой самой комнате и развила бурную деятельность его суровая родительница. Игорь двинул кресло в угол, подальше от размашистых движений матери, сел в него и стал обдумывать тонкий подход для начала разговора на интересующую его тему. Мать вывалила на диван содержимое еще одного ящика с какими-то тряпками, критически оглядела распахнутые дверцы уже пустых шкафов и, удовлетворенно вздохнув, обернулась к Игорю.

– Ну, – довольно ехидно сказала она, – обалдел от новой няни?

М-да. С тонкими подходами у его матери всегда была напряженка.

– Ма, тебе-то она как? Понравилась?

– Еще чего! – Мать возмущенно фыркнула. – С чего бы это она мне понравилась? Вот если бы она горбатая была… или хромая… или лысая… Тогда да, тогда понравилась бы.

– Да ну тебя… – Игорь вдруг представил Ольгу с горбом и поежился. – Я серьезно.

– Да и я серьезно. Серьезнее некуда. Ладно, ты все равно не поймешь. – Мать подвинула кучу барахла на диване и села, сложив руки на животе. – Анна-то как к ней лепится, а? Не оторвешь. И все время смеется, ты обратил внимание? «Моя Оленька, моя Оленька…» Надо же! С одного раза…

– С двух, – поправил Игорь, но тут же вспомнил, как Анна вчера в кафе обнимала чужую девчонку в белом. – Хотя вообще-то да, с одного.

– Ты о вчерашнем? – Мать слегка нахмурилась и покусала губы. – Ольга мне рассказала. М-да, бывают совпадения… А ты все проверил?

– Большой проверял. – Игорь тоже нахмурился и беспокойно поерзал в кресле. – Все в порядке. В больнице, где Ольга раньше работала, о ней вообще тоскуют. А почему вдруг уволилась – никто не знает. И те, у кого няней работала, тоже очень довольны. Характер, говорят, золотой, добрая очень.

– Характер-то у нее, может, даже и бриллиантовый, – задумчиво пробормотала Инга Максимовна, глядя мимо Игоря. – Она с мужем недавно развелась. Ты знал?

– В общих чертах, – осторожно сказал Игорь, стараясь не показывать заинтересованности. – Ничего особенного, обычное дело. Детей нет, развелись тихо-мирно, он уехал.

– Во-во, – так же осторожно сказала Инга Максимовна. – Тихо-мирно. Он уехал, она у подруги живет.

– Ой, да! – Игорь засмеялся, хлопнул себя по лбу и встал. – Я ж от них тоже гостинчик привез. Редиски, зеленого луку, травы какой-то. Галка сказала, что ты разберешься с травой. Знаешь, там такая Галка – я чуть не свихнулся с этой Галкой…

– Как это? – Инга Максимовна с интересом подняла левую бровь.

– Да совершенно подвинутая. В приметы верит, по руке гадает, какие-то кармы у нее, ауры… На четыре года моложе Ольги, а кудахчет над нею, как курица над цыпленком: «Оль, ты переоденься, Оль, ты колбаски скушай, Оль, ты не простудись…» И еще гоняет всех поганой метлой. И сажает под книжную полку, чтобы посмотреть, что на башку упадет. Смешная. Она бы тебе понравилась.

– Да? – Мать смотрела на него с подозрением. – А тебе, случайно, на башку там ничего не упало?

– Анькин портрет. – Игорь с интересом наблюдал за реакцией матери. – И причем – совершенно случайно. Я так считаю. Но Галка думает, что это указывает на определенную степень вины.

Инга Максимовна поднялась с дивана, подошла к нему, сгребла у него на груди рубашку и потянула к себе, угрожающе сопя и сверкая глазами:

– А ну дыхни.

– Да ты че, начальник, – пьяным голосом сказал Игорь. – Ты че, в натуре… Я за рулем!

Но не выдержал, засмеялся, видя, как свирепо раздуваются ноздри матери, чмокнул ее в нос и обнял за плечи. – Пойдем, я тебе все покажу. Я на кухне все оставил.

Они сидели за кухонным столом, и Игорь по возможности подробно рассказывал обо всем, что хотела знать мать. Ей трудно было что-нибудь рассказывать.

Важные вещи она пропускала мимо ушей, зато вопросами о каких-то несущественных подробностях просто душу выматывала.

– Беру бумажку, смотрю – а это Анна! – рассказывал Игорь. – Ты представляешь, что я подумал?

– Масло, акварель? – с интересом спросила Инга Максимовна.

– Ты о чем? – растерялся Игорь. – Я ж тебе говорю: вчера вроде как случайно встретились, а сегодня на меня портрет Анны падает. Как это понимать?

– Редиска у них какая хорошая, – с уважением заметила Инга Максимовна. – Ты не спросил, это сорт такой или, может, подкармливают чем?

– Ма, ты хоть слушаешь, что я тебе говорю? – обиделся Игорь.

– Слушаю, слушаю… – Инга Максимовна встала, пошла к плите и, проходя мимо Игоря, ласково растрепала его и так лохматые кудри. – Слушаю, сына, но ничего полезного не слышу.

Она налила чай себе и ему, вернулась к столу, поставила обе чашки и долго выбирала, какую взять себе. Выбрала, отхлебнула, вздохнула и, когда Игорь уже перестал ждать, вдруг решительно сказала:

– Ладно, завтра мы к ним в гости съездим. Вместе с Анной.

– Да? – встрепенулся Игорь. – Ну, если ты хочешь…

– Ну, естественно, это я хочу! – Инга Максимовна усмехнулась и по обыкновению подняла левую бровь. – Позвони Саше-маленькому. Предупреди, что он за водилу. Терпеть ненавижу, когда ты за рулем. Скажи, чтобы к часу приезжал. Шкафы поможет передвинуть и кроватку Анькину поставить.

– Какие шкафы? – изумился Игорь. – Куда кроватку поставить?

– В дальней комнате. Ольге не понравилась детская. И комната для няни не понравилась – далеко от Аньки. Ольга с Анной в дальней комнате будут жить.

– Это ты так решила? – У него были свои планы на дальнюю комнату, но если мать что решила, то о своих планах он может забыть.

– Это Ольга выбрала. – Инга Максимовна с вызовом глянула на Игоря. – Я ее выбор одобряю. Во-первых, они должны быть рядом. И ванная там отдельная, девочкам удобно будет. И кладовка большая – все барахло убрать можно, а то вечно у Анны игрушки по всему полу валяются. И вообще дальняя комната – самая тихая во всей хате. У тебя контраргументы есть?

– Да нет. – Игорь с интересом наблюдал за матерью. – Какие там контраргументы… Хотя я не совсем понимаю, зачем горячку пороть. Все равно мы через две недели в Семино поедем.

– Ну, две недели тоже надо по-человечески жить! – Инга Максимовна нахмурилась и поджала губы. – Знаешь, я вообще не понимаю этой твоей привычки – жить как в гостинице. Все абы как, никакого уюта, мебель черт знает как стоит… И вообще, неужели ты не понимаешь? Если Ольге будет здесь хорошо, так и Анне хорошо будет.

– Ладно, ладно… – Игорь перегнулся через стол и вкрадчиво взял мать за руку. – Чего ты развоевалась? Я ни капельки не против. Если ты мне откровенно ответишь на один вопрос.

– Ну? – Инга Максимовна потянула свою руку из его ладони и настороженно подняла глаза. Игорь сильнее сжал руку матери, подмигнул и довольно ехидно спросил:

– Что, ма, обалдела от новой няни-то?

Мать помолчала, задумчиво рассматривая их соединенные руки, покусала губы и наконец серьезно сказала:

– Знаешь, сына, что мне кажется? Мне кажется – нам что-то уж очень крупно повезло. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы.

– Поживем – увидим, – как можно более равнодушно ответил Игорь, с некоторым испугом ощущая, как в солнечном сплетении у него что-то дрогнуло, потеплело

и стало увеличиваться, расти, заполнять его всего молодой весенней радостью. Немотивированные эмоции, как сказала бы его бывшая жена. Смех без причины. А, бог с ней.

– Ма, я еще спросить хотел, – улыбаясь, начал Игорь. – Ты сто долларов нищенке отдала бы?

– Это ты о чем? – Инга Максимовна насторожилась и высвободила руку из его пальцев. – При чем тут сто долларов? Во-первых, я его почти год носила. Да и новый он сотню баксов не стоил. Наверное. А потом, я так поправилась, что и мал он мне. А у Марьи девка на весну вообще раздетая осталась. И фасон такой мне уже не по годам… Да и вообще, что ты ко мне прицепился? Интересно, кто это тебе донес, что я плащ отдала? И почему ты решил, что Марья – нищенка? Сам-то давно за десятку сортиры на чужих дачах сколачивал? И не мужицкое это дело – интересоваться, откуда берутся и куда деваются бабские тряпки…

Игорь сидел, откинувшись на спинку жесткого кухонного диванчика, закрыв глаза и улыбаясь, и с наслаждением погружался в волны немотивированной радости.

– Ма, – сказал он, не открывая глаз. – Я тебя люблю.

– Еще бы, – по инерции сердито ответила Инга Максимовна. – Куда ж тебе деваться, конечно, любишь. Еще бы, родную-то мать.

## Глава 8

В Галкиной малине Ольга рисовала следующий портрет. Новой заказчицей оказалась молоденькая продавщица, у которой Ольга позавчера купила туфли. Увидев ее, Ольга даже не удивилась. Она уже привыкла к невероятным случайностям и даже стала принимать их как должное, как закон природы, например. Понимаешь ты его или нет – не важно. Он просто есть. Так что нечего удивляться и вычислять, как это получается. Надо просто радоваться, что пока этот закон природы на твоей стороне.

Продавщица по имени Дарья оказалась на редкость послушной и понятливой. Она согласилась смыть свою боевую раскраску, и ее умытое личико обрадовало Ольгу мягкими, чуть размытыми чертами, теплым тоном гладкой кожи, а особенно – выражением ореховых глаз. Дарья смотрела на нее открытым, заинтересованным, доброжелательным взглядом, в котором были еще и некоторая неуверенность и надежда. Дарья сказала, что никто никогда не говорил ей, что она красивая, а ей ужасно хочется быть красивой. Или хотя бы хорошенькой.

Портрет Дарьи шел легко. Ольга с удовольствием всматривалась в милое лицо девочки, с удовольствием растирала крошащиеся мелки пальцами по тисненой бумаге и с удовольствием предвкушала реакцию Дарьи, когда она увидит портрет. На портрете Дарья была собой – маленькой феей с умными глазами и нежными, почти детскими губами, готовыми в любой момент раскрыться в улыбке по малейшему поводу.

Ольга была довольна собой. И натурой тоже была довольна. Еще она была довольна тем, как хорошо все получилось с работой. После этой безобразной ссоры с отцом Анны в магазине на теплый прием в его конторе рассчитывать, конечно, было нечего. И она просто не пошла бы на собеседование, если бы знала, кто ее будущий работодатель… Хозяин. Шеф. Ну, не важно. Издергалась бы, думая об Анне, но не пошла бы. Хорошо, что заранее не знала. Хорошо, что там оказалась Анна. Хорошо, что купила туфли. Значит, хорошо, что той старушке отдала не долларовую сотню, а свою рублевую? Хм… А новорос… в смысле – Игорь Дмитриевич… он решил, что его сотню. Ну и пусть, ну и хорошо. И даже хорошо, что у нее до начала работы еще почти два свободных дня, и она уже успела закончить портрет Дарьи, и еще к вечеру придет колоритная тетка, и завтра – двое. Сразу, конечно, она и половины не успеет. Но у нее будет еще два выходных через неделю, и еще два выходных еще через неделю, а в эту их деревню – как ее там? – можно взять три-четыре цветных фотографии следующих заказчиков. Ой, как хорошо. К тому же решение вопросов оплаты готовых портретов Галка взяла в свои руки, так что если Ольга и не сможет передать ей заработанные у новороса… у Игоря Дмитриевича деньги сразу, бедствовать Галке ничуть не придется.

Серо-голубая палочка пастели сломалась, оставив на бумаге слабый мягкий мазок и несколько мелких крошек. Ольга потянулась за скальпелем, чтобы снять ненужную краску, и остановилась, присматриваясь к неожиданному эффекту. У живой Дарьи совсем слабые тени в уголках глаз. И не голубые, а скорее

зеленоватые. Или коричневатые? Скажем, зеленовато-коричневатые. Можем сказать как угодно, большинство людей, как с изумлением убедилась Ольга не так давно, вообще никакого оттенка не увидели бы. И эту серо-голубую жилку, едва просвечивающуюся сквозь тонкую кожу виска, тоже не увидели бы. А она увидела и теперь эту трогательную жилку покажет всем. Во как мы умеем, похвалила себя Ольга. Хорошо, что сломался серо-голубой мелок. И хорошо, что сломался он на этом месте. Все у меня хорошо, а будет еще лучше. Ольга растушевала мазок пальцем, вытерла руки о подол драной линялой футболки шестьдесят какого-то размера, сидевшей на ней, как парашют на швабре, полюбовалась портретом, потом Дарьей, потом опять портретом и решила: можно.

– На, посмотри. – Ольга не скрывала гордости и удовольствия. – А говоришь, никто не замечает, что красивая. Обманываешь, наверное, а?

Дарья взяла большую разделочную доску с приколотым к ней листом бумаги, неловко повернула ее, стараясь не задеть портрет, жадно глянула на свое изображение и вдруг наклонилась ниже, ссутулилась и зябко обхватила локти ладонями.

– Что такое? – удивилась Ольга. – Тебе не нравится? Да?

– А это я? – Дарья подняла лицо и взглянула на нее чуть ли не испуганно.

– А по-твоему кто? – строго сказала Ольга. – Дядя Петя с пивзавода, что ли?

Дарья неуверенно засмеялась, покраснела и опустила глаза:

– Что-то уж очень красивая… Я даже не ожидала. Прямо как волшебница из сказки.

– Ну, извини, – сказала Ольга Галкиным голосом и попробовала по-Галкиному поднять левую бровь. Бровь, конечно, не шевельнулась. – Хочешь, я усы пририсую? Или, например, бородавку?

Дарья опять засмеялась и подняла сияющие глаза:

– Нет, я правда не ожидала. Все-таки я в зеркало смотрюсь иногда. Ничего подобного не замечала.

– А ты перед тем, как в зеркало смотреться, косметику снимай, – посоветовала Ольга. – А то рисуете на фасаде что попало, а потом удивляетесь: что это никто не замечает, какая я красивая?

– Вам хорошо, – сказала Дарья с откровенной завистью. – Вам косметика вообще ни к чему. А я если не намажусь – так вообще лица нет.

– А ну тебя. – Ольга вынула доску из ее рук и принялась выдирать кнопки, освобождая портрет. – Ты же только что посмотрела, какая ты красавица в натуральном виде.

– Так это не я, а портрет, – неуверенно сказала Дарья. – В жизни-то я не такая, ведь правда?

– А вот мы сейчас консилиум соберем, – предложила Ольга, уловив за домом невнятную разноголосицу с участием мужского баса. Наверное, кто-нибудь из миллиона Галкиных знакомых приперся побазарить «за жизнь». А может быть, кто-нибудь кого-нибудь попозировать привел. Нет, в таком темпе она не потянет. Если только в черных очках рисовать… Ольга отдала портрет Дарье, бросила доску на раскладушку, взяла с раскладушки черные очки и, выбрав на футболке не слишком зачуханное пастелью место, протерла стекла. Надела, глянула на Дарью, чтобы прикинуть, можно ли разглядеть сквозь такие темные стекла нежные оттенки этого лица, и удивилась: Дарья сидела на своей табуретке с совершенно потрясенным видом, раскрыв рот, распахнув глаза, и смотрела на что-то удивительное за спиной Ольги. И что там такого удивительного? Ольга оглянулась через плечо, готовая увидеть что угодно…

Нет, увидеть это она готова не была. По тропинке между кустами смородины деловито топала элегантная, как принцесса, Анна Игоревна, время от времени принюхиваясь по сторонам. За ней плыла элегантная, как миноносец, Инга Максимовна, обмахиваясь ярким глянцевым журналом. За Ингой Максимовной шествовал элегантный, как кутюрье в пятом поколении, Игорь Дмитриевич, улыбаясь несколько неестественно. За Игорем Дмитриевичем вытанцовывал элегантный, как пантера в прыжке, Саша-маленький, сияя всеми своими ямочками, глазами, зубами и широкой золотой цепью на шее.

– Это кто? – потрясенно выдохнула Дарья.

– Это Чижик привел свою семью и близлежащих товарищей, – объяснила Ольга. Надо же, какой хороший день получается. – Она их всегда так водит. Внучка – за бабку, бабка – за дедку, дедка – за репку…

– Нет, вон тот – кто? Самый большой? – Дарья улыбалась так, что Ольга решила: надо нарисовать ее улыбку. Обязательно. Чтобы потомки знали.

– Самый большой – это Саша-маленький. – Ольга с интересом наблюдала за Дарьей. – Он выдающийся специалист в вопросах женской красоты. Вот у него мы и проконсультируемся по поводу сходства копии с оригиналом. А также насчет роли косметики в сокрытии вышеупомянутой красоты от всех заинтересованных в оной лиц.

– Что такое во-но-лиц? – тут же спросила Анна, свернула с тропинки и направилась на Ольгин голос прямо по луковой грядке.

Ольга шагнула ей навстречу, раздвигая малину и отфутболивая валявшуюся на пути Анны кастрюлю с яичной скорлупой, подхватила Чижика на руки, подняла повыше, пронесла через малиновые заросли на полянку, села на раскладушку, посадила ребенка к себе на колени и только тогда сказала:

– Привет, Чижик. Ты молодец, что ко мне в гости пришла. Мы будем чай пить. У нас есть пирог с малиной, тетя Галя испекла. А что ты спросила? Извини, я забыла.

– А я сама забыла, – сказала Анна. – Я люблю пирог с малиной, только я его никогда не пробовала. Это бабушка придумала, чтобы в гости приехать. Мы привезли коробку конфет, но мне много нельзя, я вчера уже две целые шоколадины съела. Буквально одна.

– А мне вообще шоколад нельзя, – поделилась своей бедой Ольга.

– Ну-у-у? Это ужасно. Бедненькая, – посочувствовала Анна. – А почему нельзя?

– У меня от него характер портится, – призналась Ольга, и они одновременно захихикали друг другу в ухо.

Игорь топтался в этом саде-огороде, как бегемот на арене. Все вроде при деле – Анна с Ольгой опять шепчутся и хихикают, мать инспектирует папку с рисунками и что-то говорит хорошенькой шатеночке, шатеночка сидит на табуретке и не сводит глаз с Саши-маленького, Саша-маленький жрет чужую малину, улыбается шатеночке и косит рыжим глазом на Ольгу…

Один Игорь не знает, что делать, что говорить и куда смотреть. На Ольгу он смотреть не решался. Когда она шагнула из кустов навстречу Анне, он опять ее не сразу узнал. Сначала вообще подумал, что это мальчик. На голове – треуголка из газеты, а ниже – бесформенная драная футболка в разноцветных пятнах. Эта футболка налезла бы на рояль, но открывала тонкие желтовато-смуглые руки и ноги. Он никак не мог понять, почему это его так поразило. Что, рук-ног он не видал? И посмуглее видал, и покруглее… Но другие. Не Ольгины. Игорь с повышенным интересом рассматривал серый соседский забор, и старую яблоню с мелкой частой завязью, и молчаливую шатеночку, и шастающего вокруг Александра, и даже заколку в прическе матери. И ругал себя, идиота, последними словами. И радовался, как идиот, немотивированной радостью.

Немотивированной? Ты вроде никогда себе не врал, друг ты мой Серебряный. Ой, не к добру все это.

От дома что-то закудахтала Галка, Ольга встала, прижимая Анну к себе, и направилась по тропинке к дому, на ходу транслируя:

– Нас зовут помогать по хозяйству. Дарья, тебя это тоже касается. Велено захватить табуретку, а то мебели на всех не хватит. Мне приказано переодеться и принять человеческий облик… Ой, правда, Чижик, я ж тебя всю изгваздаю…

Она остановилась, отдала Анну Инге Максимовне и помчалась к дому, на бегу стаскивая и сминая в комок свою треуголку из газеты.

Опять все были при деле. Ольга сверкала голыми пятками. Инга Максимовна уговаривала Анну не вертеться. Шатеночка Дарья краснела и улыбалась Саше-маленькому. Саша-маленький ворковал что-то на ухо Дарье и смотрел вслед

Ольге.

У Игоря тоже нашлось дело. Даже, кажется, срочное. Он обдумывал, куда бы отправить Сашу-маленького в командировку. Хорошо бы подальше. Например, за границу. И хорошо бы на подольше. Например, на всю оставшуюся жизнь.

## Глава 9

Ольга была счастлива. Вполне. Раньше она даже не подозревала, что такое возможно. Раньше, если бы ее спросили, что ей нужно для счастья, она наверняка бы ответила какую-нибудь глупость. По ее наблюдениям, практически все думают, что для счастья нужно то, и се, и пятое, и десятое… Ерунда все это. Для счастья нужна Анна. И возможность больше ни на что не отвлекаться.

У Ольги была Анна. И Ольга не отвлекалась на всякую ерунду – типа где взять деньги на житье, и чем кормить, и во что одевать, и куда деваться от тоски, если ты никому не нужна. Она точно знала, что нужна Анне. Больше всех. Может быть, даже больше, чем отец.

Отец. Хм. Нет, он тоже, конечно, нужен. Чтобы можно было кормить Анну, и одевать, и выбирать любые игрушки… Чтобы дарить ей пианино, в конце концов. Вот дурь-то, а? Ну, пусть. Главное – чтобы нанять для Анны такую гувернантку, как Ольга. И поселить ее в этом лабиринте, в самом дальнем тупике, обустроенном как отдельный гостиничный номер люкс.

В этом люксе было хорошо спать. Или не спать, слушая легкое дыхание Чижика. Очень хорошо было просыпаться от веселого крика проснувшейся ни свет ни заря Анны:

– Пи-и-иси-и-ить!

Еще лучше было просыпаться раньше Анны и наблюдать, как она досматривает последний утренний сон, хмурится, улыбается, чмокает губами и иногда подергивает лапами. Как котенок. Только что уши не прижимает.

Еще лучше было поселиться вместе с Чижиком часа на полтора в роскошной и очень удобной ванной комнате, дружно делая вид, что именно столько времени требует процедура купания ребенка. Хотя с другой стороны, почему бы и нет, если в процедуру купания входили такие замечательно интересные дела, как попытка утопить непотопляемую модель катера, разучивание элементов фигурного плавания, экспериментальное исследование температурных режимов душа и даже отмывание тигры Мурки от неизвестно как попавшего на нее какао. После такого купания Ольга выходила из ванной такая мокрая, будто это не Анна, а она сама просидела в воде полтора часа, причем в одежде и в тапочках. Мышцы живота у нее болели от смеха, а руки – от попыток сладить с голеньким скользким тельцем, энергии в котором было на пару электростанций.

Однажды при купании Чижика пожелал присутствовать Игорь Дмитриевич, заинтригованный неистовым шумом, плеском, криком и хохотом, которые неизменно сопровождали эти мероприятия. Но через несколько минут с позором бежал, ошеломленный действом, – в тот раз это была охота на дельфина, – и облитый с ног до головы холодным душем – под предлогом «папа должен закаляться».

После купания Анна засыпала раньше, чем Ольга успевала досушить ее кудри феном. Ольга укладывала уже сонного Чижика в постель, переодевалась во что-нибудь сухое, еще несколько минут тихо возилась в комнате, собирая влажные полотенца и игрушки и ожидая, не проснется ли Анна, а потом шла на кухню попить чайку и порассказывать Катерине Петровне о новых замечательных способностях Чижика, которые проявились сегодня.

Катерина Петровна была в доме Серебряных Хозяйкой. Ее прямо все так и называли, с большой буквы. Себя она называла кухаркой, иногда – домработницей, в раздражении – девкой Палашкой. Но по повадке было ясно, что осознает она себя именно Хозяйкой и ожидает к себе соответствующего отношения.

В первый раз Катерина Петровна встретила Ольгу, мягко говоря, сдержанно. Она окинула саркастическим взглядом ее белые штаны – во все стороны равны и необъятных размеров мужскую рубаху и поинтересовалась, нет ли у Ольги чего-нибудь поприличнее.

– Нет, – честно ответила Ольга. – Есть один приличный костюмчик, но он выходной. Остальное все еще хуже.

В глазах Катерины Петровны мелькнуло недоумение, она, кажется, хотела еще что-то сказать, но промолчала, только хмыкнула и поджала губы. Ольге было, в общем-то, все равно, какое впечатление она произвела на Хозяйку. Анне Катерина Петровна нравилась. Похоже, симпатия была взаимной. А при таком раскладе Ольга потерпит Хозяйкины саркастические взгляды, замечания, пристрастие к молочным блюдам и фанатичную веру в то, что все вещи в доме существуют для того, чтобы их, не дай бог, как-нибудь случайно не сдвинули с места.

Катерина Петровна полюбила Ольгу только на второй день. Ольга не уловила момента, когда это случилось. И уж совсем не поняла, почему это случилось. За обедом во время соревнования «кто быстрее съест лапшу» почему-то побеждала Анна, несмотря на категорическое заявление, что лапшу «терпеть ненавидит». Победителю полагался пирог с грибами. Конечно, пирог с грибами полагался и проигравшему, поскольку это было единственное второе блюдо. Но кусок пирога положили сначала на тарелку Анне. И пока деморализованная поражением Ольга дохлебывала свою лапшу, Анна разломила кусок пирога надвое и подвинула тарелку к Ольге:

– По-честному, я не очень победила. Ты нарочно не быстро ела, да?

Катерина Петровна, за спиной Анны укладывающая на тарелку пирог для Ольги, открыла было рот, но Ольга быстро прижала палец к губам, а сама сказала с искренним возмущением:

– Как это нарочно? Просто я давно не тренировалась. Вот увидишь, в следующий раз я выиграю.

– Хе, – сказала Анна выразительно. – Это мы еще посмотрим.

– А вот посмотрим, – заносчиво подхватила Ольга. – Прямо завтра же.

Конец ознакомительного фрагмента.

---

Купить: https://tellnovel.com/volchok_irina/budesh-moey-mamoy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити